

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

События 1917 года глазами
русского офицера, художника, студентки,
писателя, историка, сельской учительницы,
служащего пароходства, революционера

МОЯ РЕВО ЛЮ ЦИЯ

К 100-летию Русской революции

Сборник

**Моя революция. События
1917 года глазами русского
офицера, художника, студентки,
писателя, историка, сельской
учительницы, служащего
пароходства, революционера**

«Никея»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сборник

Моя революция. События 1917 года глазами русского офицера, художника, студентки, писателя, историка, сельской учительницы, служащего пароходства, революционера / Сборник — «Никея», 2018 — (К 100-летию Русской революции)

ISBN 978-5-91761-805-0

Книга «Моя революция» представляет собой подборку уникальных дневниковых записей современников русской революции. Это панорама взглядов на события 1917 года людей разных сословий, родов занятий, возрастов и взглядов – от убежденных монархистов до ярых революционеров большевистского направления. Географический охват авторов – Москва, Петербург, Воронеж, Пенза, Полтава, Одесса, Волынская губерния. Среди очевидцев событий две выдающиеся фигуры в русской культуре – А. Бенуа и В. Короленко. Также приводятся дневники девятнадцатилетнего офицера – участника Первой мировой войны, студентки консерватории, двух профессоров-историков, служащего пароходства, сельской учительницы и юного марксиста-революционера. Обширная вступительная статья петербургского историка С.В. Куликова снабжена подробным историческим комментарием. Заключительная статья предоставлена другим петербургским историком и религиоведом, к.и.н., профессором С.Л. Фирсовым.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91761-805-0

© Сборник, 2018

© Никея, 2018

Содержание

От редакции	7
С.В. Куликов	8
Три России в революции 1917 года: взгляд историка	8
Александр Бенуа	31
1916–1918. 46–47 лет Петербург[117]	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Моя революция. События 1917 года глазами русского офицера, художника, студентки, писателя, историка, сельской учительницы, служащего пароходства, революционера

Научный редактор к.и.н.

С.В. Куликов (Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук)

От редакции

Благодарим проект «Прожито» (prozhito.org) за все предоставленные справочные материалы, касающиеся текстов дневников и их авторов, контакты с издательствами и правоносителями и другую необходимую информацию.

Вошедшие в книгу «Моя революция» страницы дневников всех девяти авторов печатаются в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, вместе с тем особенности авторской лексики сохранены без изменений. Авторские выделения в текстах приведены курсивом.

Сокращенные редактором фрагменты дневниковых записей в рамках одной даты обозначены угловыми скобками, сокращенные минифрагменты в рамках одного предложения – отточием.

Даты записей приведены по новому стилю, старый стиль указан в скобках. Даты, включающие в себя не вошедшие в издание авторские записи, заключены в угловые скобки.

Краткие сведения об упоминаемых в дневниках исторических лицах и участниках событий вынесены в сноски в конце каждого авторского блока и по необходимости повторяются от автора к автору – это сделано специально для удобства читателя.

С.В. Куликов

Три России в революции 1917 года: взгляд историка

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать;
И станет глад сей бедный край терзать...*

М.Ю. Лермонтов

Русская революция 1917 г. глазами русских людей – такой подзаголовок можно было бы дать предлагаемому вниманию читателей сборнику дневников, которые вели современники революции – люди самых разных социальных положений: художник А.Н. Бенуа, историки Ю.В. Готье и М.М. Богословский, гимназист Д.В. Фибих, сельская учительница З.А. Денисьевская, прапорщик К.В. Ананьев, писатель В.Г. Короленко, студентка Е.И. Лакиер, служащий пароходства Н.П. Окунев. При всей разнице их жизненных судеб их объединило одно – то, что в течение 1917 г. они, как и российские граждане, не оставившие дневников, прожили последовательно в трех Россиях – Царской, Демократической и Советской, причем Царскую Россию от Демократической отделила Февральская революция, Демократическую Россию от Советской – Октябрьская революция. Лозунгом первой России была «Родина», второй – «Революция и Родина», третьей – «Революция», поскольку вторая Россия стала детищем национальной Февральской революции, а третья Россия – интернациональной Октябрьской революции. Вряд ли корректно закономерности, свойственные для России одного периода, автоматически переносить на Россию другого периода, поскольку исторический процесс хотя и непрерывен, универсален, но вместе с тем эта непрерывность обуславливается его прерывностью, дискретностью – целое создается из частей. Впрочем, неизгладимую печать на историю всего 1917 г. наложило участие всех трех России в Первой мировой войне, которая считается едва ли не главной причиной крушения Царской России. Так ли это на самом деле?

Выступая 14 августа 1917 г. на Государственном совещании в Москве, Верховный главнокомандующий генерал Л.Г. Корнилов открыто признал: «В наследие от старого режима свободная Россия получила армию, в организации которой, конечно, были крупные недочеты. Но тем не менее эта армия была боеспособной, стойкой и готовой к самопожертвованиям»¹. На том же совещании 15 августа бывший Верховный главнокомандующий генерал М.В. Алексеев удостоверил: «В руки новой власти поступила армия, которая способна была выполнять и дальше свой долг и наряду с союзниками вести многострадальную Россию к скорейшему окончанию войны»². Наконец, председатель Центрального военно-промышленного комитета, бывший военный и морской министр Временного правительства А.И. Гучков тогда заявил,

---

¹ Государственное совещание. М.-Л., 1930. С. 62–63.

² Там же. С. 201.

подразумевая канун Февральской революции, что «судьба войны за последние месяцы до революции повернулась в благоприятную сторону» для России, поскольку ее «армия почувствовала себя снабженной и в боевом, и в интендантском отношении так обильно, как никогда»³. Вряд ли у Корнилова, принципиального республиканца, Алексева, более всех генералов содействовавшего победе революции, и Гучкова, ставшего одним из вождей Февральской революции, имелись основания для приукрашивания военных перспектив низложенного старого порядка. Вместе с тем перечисленные персонажи, в силу своего служебного положения, обладали эксклюзивной информацией, а потому игнорировать их выводы было бы по меньшей мере неверно. Очевидно, что к началу Февральской революции Царская Россия войну выигрывала и, вне всякого сомнения, принадлежала к числу стран, являвшихся потенциальными победительницами. Совсем иная картина наблюдается с Демократической Россией: Временное правительство, тщетно пытаясь усидеть на двух стульях – продолжения войны и углубления революции, вело страну к поражению. Наконец, Советская Россия, отдав окончательное предпочтение углублению революции, а не продолжению войны, оформила свое поражение в войне. В свою очередь, мнимое поражение Царской России объясняют неспособностью императорского правительства обеспечить армию вооружением и боеприпасами, что также неверно. Даже советский историк П.В. Волобуев признавал: «После мировой войны в стране остались горы оружия, и не только на складах, но и у населения. Красная армия, например, вплоть до середины 1919 г. снабжалась в основном из запасов военного времени»⁴. На упомянутом выше Государственном совещании (август 1917 г.) один из лидеров Кадетской партии Ф.И. Родичев заверил: «У нас есть все материальное, что нужно для победы: миллионы людей, миллионы пар ног и рук, снаряжение и вооружение, орудия, данные нам союзниками, ружья и снаряды»⁵. А вот еще более авторитетное мнение представителя промышленных организаций Н.Ф. фон Дитмара, заявившего, что «армия снабжалась преимущественно в наибольшем числе именно русскими заводами», и к апрелю 1917 г. «доставка в армию со стороны русских заводов по степени соблюдения сроков и исполнения норм оставила далеко за собой заграничные заводы»⁶. Как представляется, до Февральской революции военная промышленность России работала эффективно, хотя и можно говорить о разной степени эффективности применительно к ее разным отраслям и периодам функционирования, однако после Февраля все пошло насамарку. Л.Г. Корнилов сообщил: «В настоящее время производительность наших заводов, работающих на оборону, понизилась до такой степени, что теперь в крупных цифрах производство главнейших потребностей армии, по сравнению с цифрами периода с октября 1916 г. по январь 1917 г., понизилось таким образом: орудий – на 60 %, снарядов – на 60 %». «В настоящее время, – констатировал далее Верховный главнокомандующий, – производительность наших заводов, работающих по авиации, понизилась почти на 80 %»⁷. Таким образом, об эффективности военной промышленности Демократической России и Советской России, в отличие от Царской России, говорить, очевидно, не приходится.

Еще одну причину падения Царской России видят обыкновенно в том, что императорское правительство не решило продовольственный вопрос, а потому накануне Февральской революции Петроград якобы оказался на грани голода. Но до Февраля 1917 г. проблема состояла не в производстве хлебов, а в их распределении посредством перевозок, прежде всего, по железным дорогам, которые так или иначе, но со своей задачей справлялись удовлетворительно. Представитель Всероссийского союза инженеров и техников путей сообщения А.Н.

---

³ Там же. С. 286.

⁴ Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. Сборник статей. М., 2014. С. 415.

⁵ Государственное совещание. С. 59.

⁶ Там же. С. 264–265.

⁷ Там же. С. 64–65.

Фролов говорил на Государственном совещании: «До революции в железнодорожном транспорте царила рутина. Совершалось много ошибок, делались глупости, но, невзирая на это, работа железных дорог непрерывно во время войны росла, количество перевозок непрерывно возрастало»⁸. Ситуация изменилась, естественно, в худшую сторону только после Февральской революции, так что представитель Совета частных железных дорог Н.Д. Байдак в августе 1917 г., имея в виду Временное правительство, заявил: «Нет сомнений, что данное правительством в первые дни переворота направление привело железные дороги к разрухе»⁹. «После революции, – вторил Байдаку Фролов, – работа железных дорог непрерывно падает, и в июле месяце, в это легчайшее время для железнодорожного движения, работа железных дорог была меньше, чем в январе, когда половина наших железных дорог была засыпана снегом»¹⁰.

Развал железнодорожного транспорта начался не в Царской России, а в Демократической России и усугубился в Советской России, сопровождаясь наступлением настоящего голода. Сам министр-председатель Временного правительства А.Ф. Керенский в августе 1917 г. публично говорил про «голодающие города» и «все более и более расстраивающийся транспорт»¹¹, а представитель Всероссийской сельскохозяйственной палаты и сельскохозяйственных обществ К.Н. Капацкий заявил: «У нас с момента революции, надо сказать правду, не было Министерства земледелия, а было и есть Министерство политической подготовки страны к проведению аграрной реформы. Сельское же хозяйство совершенно забыто, и приходится вести ломку земельного строя не при нормальных условиях, а при кризисе сельского хозяйства всей страны, когда вместо полей явились какие-то площади пустырей»¹². Наблюдавшееся после Февраля 1917 г. вторжение политики в экономику привело к тому, что проблематичный характер обрело не только распределение, но и само производство хлеба. Почему же рождались мифы, подобные рассмотренным выше?

Главная причина – настоящая пропасть, которая к 1917 г. лежала, на ментальном уровне, между оппозиционной интеллигенцией, стремившейся к власти и ради ее достижения не гнушавшейся сознательной дискредитацией императорского правительства, и народом, сохранявшим, по крайней мере в своем большинстве, верность историческим устоям, и эту-то верность оппозиционеры и стремились ослабить. Подразумевая вождей Февральской революции, швейцарец и республиканец П. Жильяр, наставник сына Николая II Алексея Николаевича, отмечал: «Забыли, что Россия состоит не только из пятнадцати-двадцати миллионов людей, созревших для парламентарного строя, но включает в себе также от ста двадцати до ста тридцати миллионов крестьян, по большей части необразованных и несознательных, для которых царь оставался Помазанником Божиим, тем, кого Господь избрал для направления судеб великой России. Привыкнув с самого раннего детства слышать поминание царя на ектениях и в самые торжественные минуты литургии, мужик естественно приписывал ему в своей мистически настроенной душе почти Божественные свойства... Русская революция должна была ринуться в пустоту, образовавшуюся вследствие крушения царской власти, с той потребностью безусловного и стремлением к крайностям, которые присущи славянской природе, с такой бурной силой, что никакая форма правления не могла бы ее остановить; таким образом ей предстояло докатиться до полного политического и религиозного нигилизма, до анархии»¹². Пропадь между интеллигенцией и народом усугублялась разницей в настроениях между сто-

---

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Там же. С. 172.

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Там же. С. 5. Там же. С. 241.

¹² Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.). Вена, 1921. С. 142–143.

лицами, прежде всего – Петроградом, настроенным оппозиционно и даже революционно, и провинцией, разделявшей по преимуществу патриархальные настроения.

Воспроизводя свои впечатления о настроении петроградского истеблишмента в конце 1916 г., тогдашний минский губернатор князь В.А. Друцкой-Соколинский, находившийся в это время в столице, вспоминал: «Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злословили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 г. исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего времени считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утеряны». Подтверждение приведенному выводу Друцкой видел в том, что его друг, директор Департамента общих дел МВД П.П. Стремоухов, ответил князю на вопрос «о настроениях „сфер“, о настроении общества и настроении вообще», указав на портрет Александры Федоровны: «Эта дрянь всех нас губит!»¹³ Уже в эмиграции Стремоухов подверг полному переосмыслению свое мнение о царице и солидаризировался с Друцким по вопросу о причинах падения монархии. «Ближайшие родственники, знать, главное командование и общество, – подчеркивал Стремоухов в 1924 г., имея в виду ситуацию кануна Февральской революции, – рубили с каким-то наивным ожесточением тот сук, на котором они сидели»¹⁴.

Опровергая мнение, что «движение, которое обрисовывалось в начале февраля 1917 года, было по происхождению народным», Жильяр утверждал: «Этого вовсе не было, и в нем участвовали только правящие классы; широкие массы оставались безучастными. Монархия была свергнута вовсе не поднявшимся из глубины бурным валом, как об этом говорили; наоборот, ее крушение подняло такую страшную волну, которая поглотила Россию и едва не затопила соседние государства»¹⁵. Вот как описал флигель-адъютант Николая II А.А. Мордвинов состоявшуюся утром 28 февраля 1917 г., на некой железнодорожной станции, встречу царского поезда офицерами и солдатами находившегося на ней пехотного полка: «Мы проезжали замедленным ходом какую-то небольшую станцию, на которой стоял встречный поезд с эшелоном направлявшегося на фронт пехотного полка. Им, видимо, было уже известно о проходе императорского поезда: часть людей с оркестром стояла, выстроенная, на платформе, часть выскакивала из теплушек и пристраивалась к остальным, часть густой толпой бежала около наших вагонов, заглядывая в окна и сопровождая поезд. Его величество встал из-за стола и подошел к окну. Звуки гимна и громовое „ура“, почти такой же искренней силы, как я слышал на последнем смотре запасных в Петрограде, раздались с платформы при виде Государя и невольно наполнили меня вновь чувством надежды и веры в нашу великую военную семью и благоразумие русского народа»¹⁶.

Проезжая 1 марта Старую Руссу, Николай II мог убедиться лично, что революционное движение захватило пока что только Петроград и его окрестности. «Огромная толпа заполняла всю станцию, – вспоминал придворный историограф, генерал Д.Н. Дубенский, находившийся в свитском поезде. – Около часовни, которая имеется на платформе, сгруппировались монахини местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу, и я сам слышал, как монахини и другие говорили: „Слава Богу, удалось хотя в окошко увидеть Батюшку-Царя, а то ведь некоторые никогда не видали его“. Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции. Я не знаю, было ли уже известно всему народу

---

¹³ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914–1918 гг.). Орел, 1994. С. 243–244.

¹⁴ Стремоухов П.П. Императрица Александра Федоровна в ее письмах // Русская летопись. 1924. Кн. 6. С. 75.

¹⁵ Жильяр П. Указ. соч. С. 144–145.

¹⁶ Мордвинов А.А. Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. 1923. Кн. 5. С. 96.

о создании „Временного правительства”¹⁷, но железнодорожная администрация из телеграммы Бубликова должна была знать о переменах и распоряжениях Государственной думы, тем не менее все было по-прежнему, и внимание к поезду особого назначения полное». «Невольно думалось, – отмечал Д.Н. Дубенский, – об этой разнице в отношении к царю среди простого народа в глубине провинции, здесь в Старой Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым государь принужден вернуться с своего пути на Царское Село»¹⁸. И такая ситуация наблюдалась за один день до 2 марта 1917 г., когда Николай II «по воле народа» отрекся от престола! Жильяр совершенно справедливо подчеркивал: «Распространение революционного движения ограничивалось Петроградом и ближайшими окрестностями. И, несмотря на пропаганду, престиж царя был еще значителен в армии и не тронут среди крестьян»¹⁹. Почему же, однако, революция вспыхнула, хотя бы только первоначально в одном Петрограде?

Причинами Февральской революции были не реальные события, а мифы, которые муссировались оппозиционерами и революционерами, охватили коллективное сознание, прежде всего правящей элиты, и приняли формы классического массового психоза. Главным из этих мифов явилась «легенда о сепаратном мире», согласно которой императрица Александра Федоровна, как немка по крови, вдохновляя мая «старцем» Г.Е. Распутиным (убитым в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г.), а затем – почитателем «старца», министром внутренних дел А.Д. Протопоповым, вольно или невольно стремилась к измене союзникам России по Антанте и заключению сепаратного мира с Германией. Правые и левые, верхи и низы верили, что раз Николай II, как «безвольный человек», полностью подчиняется Александре Федоровне, то ради победы над Германией необходимо, как минимум, низложить императора и его супругу.

Один из лидеров Партии народных социалистов, историк С.П. Мельгунов непосредственно после победы Февральской революции полагал, что Николая II отличало «моральное и умственное убожество», Александра же Федоровна вообще являлась «отчасти психически ненормальной». «В истории, – заключал Мельгунов как известный историк, – на царствовании Николая II впредь будут останавливаться только для того, чтобы показать на примере один из наиболее ярких моментов уродства царизма»²⁰. Только в эмиграции Мельгунов, оставаясь республиканцем и социалистом, но опираясь на анализ неизвестных ранее документов, ревизовал собственные представления о деятельности Николая II в период Первой мировой войны и накануне Февральской революции. «У царя, – подчеркивал Мельгунов, – в годы войны, очевидно, не было отталкивания от Думы, которая становилась на пути его самодержавия»²¹. Комментируя утверждение о том, что во время войны и перед революцией Николай II «абсолютно не отдавал себе отчета в роковом значении разыгрывающихся событий», историк констатировал: «Это мало соответствовало действительности». По мнению Мельгунова, «во время войны вступить на путь „решительной борьбы“ с общественностью» монарху мешало «глубоко разложенное в нем патриотическое чувство»²². «Несомненно, – опровергал историк еще один миф – о Г.Е. Распутине, – сильно преувеличено и представление о совершенно исключительном политическом влиянии находившегося при дворе, Друга“». Хлесткую фразу одного из лидеров оппозиции В.И. Гурко, высказанную им публично в сентябре 1915 г., о необходимости «власти с хлыстом, но не такой власти, которая сама находится под хлыстом» (Г.Е. Распутин подозревали, помимо германофильства, еще и в хлыстовстве), Мельгунов отнес «к обычным демагоги-

---

¹⁷ Жильяр П. Указ. соч. С. 148.

¹⁸ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Русская летопись. 1922. Кн. 3. С. 46.

¹⁹ Жильяр П. Указ. соч. С. 148.

²⁰ Мельгунов С.П. Последний самодержец (Черты для характеристики Николая II). М., 1917. С. 4, 7, 9, 16.

²¹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 г. М., 2003. С. 68, 69.

²² Там же. С. 199.

ческим приемам общественной агитации»²³. Наконец, имея в виду «концепцию» о стремлении Николая II и Александры Федоровны к сепаратному миру, Мельгунов отмечал, что «последующее» с «убедительностью и отчетливостью показало всю необоснованность всей этой концепции»²⁴.

Позднее, в годы Второй мировой войны, историк создал монументальную трилогию «Царь и революция», первый том которой специально посвятил развенчанию «легенды о сепаратном мире». «По отношению к царю и царице, – писал С.П. Мельгунов, – дореволюционная легенда должна быть отнесена к числу грубых и сугубо несправедливых клевет, демагогически использованных в свое время в политической борьбе с режимом»²⁵. «Оклеветанная тень погибшей императрицы, – патетически восклицал Мельгунов, – требует исторической правды», поскольку «в тяжелую годину испытаний и она, и сам царь Николай II с непреклонной волей шли по пути достижения достойного для страны окончания войны»²⁶. Более того, 2 марта 1917 г. ради создания условий для победоносного окончания войны Николай II отказался от борьбы с изменниками в лице руководителей армии во главе с генералом М.В. Алексеевым, хотя они, вопреки военной присяге, поддержали требование председателя Государственной думы М.В. Родзянко, одного из вождей Февраля, об отречении самодержца от престола. Во избежание гражданской войны, которая могла отдалить победу России над Германией, Николай II пожертвовал собой как истинный святой на троне – «положил живот за други своя» и отрекся от престола в пользу брата, великого князя Михаила Александровича, причем в Манифесте об отречении призвал всех верноподданных подчиниться революционному Временному правительству. Вот почему в поддержку отрекшегося монарха не возникло массового контрреволюционного движения – принять участие в нем означало для монархистов игнорирование воли Николая II, выраженной недвусмысленно и публично.

Конец Царской России предопределялся не столько военно-политическими или экономическими причинами, сколько обстоятельствами более высокого, так сказать, философского порядка, а точнее – законами социальной физики, тем, что любой государственный режим когда-нибудь умирает, при этом он может находиться на пике своего развития и функционировать эффективнее, чем когда-либо. Смертельная болезнь или смерть от кирпича, упавшего с крыши, поражает совершенный организм точно так же, как и несовершенный. Гений уходит из этого мира подобно бездарности, поскольку... «ничто не вечно под луной». Фраза эта, при всей своей прозаичности, тем не менее сохраняет актуальность и при решении вопроса о причинах Февральской революции.

Временное правительство первого состава, «однородно-буржуазное», состояло из либералов, ориентировавшихся на «ценности западной демократии», однако на ценности чисто доктринальные, не реализованные в полной мере к 1917 г. ни в одной стране тогдашнего так называемого цивилизованного мира. В отличие от западных либералов, российские либералы отличались максимализмом, являясь не прагматиками, как первые, а доктринерами, а потому, добившись 3 марта 1917 г. от великого князя Михаила Александровича отказа от восприятия верховной власти, они взяли курс на Учредительное собрание, избираемое на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, не существовавшего тогда даже в республиках²⁷. «Пусть рушится мир, но торжествует программа моей партии», – был девиз этих доктринеров, и именно здесь и кроется одна из главных причин их поражения. Когда 3 марта

---

²³ Там же. С. 68, 69.

²⁴ Там же. С. 74.

²⁵ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 19.

²⁶ Там же. С. 604.

²⁷ Подробнее см.: Куликов С.В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 16–28.

1917 г. новые властители России пришли к великому князю Михаилу Александровичу, только министр иностранных дел П.Н. Миллюков, как историк, еще помнивший уроки истории, выступал за немедленное воцарение великого князя, для чего у Миллюкова имелись веские основания.

Даже 3 марта 1917 г. «еще не было наличности такого большого народного движения, которое не поддается никакой логике, увлекая народ в пропасть и неизвестность. Революция, — по наблюдениям П. Жильяра, — была делом исключительно петроградского населения, большинство которого без колебания стало бы на сторону нового монарха, если бы Временное правительство и Дума подали ему в этом пример. Армия, еще хорошо дисциплинированная, представляла значительную силу; что же касается большинства народа, то оно не ведало даже о том, что что-нибудь случилось. Желание закрепить за собою власть и страх, который внушали крайние левые, привели к тому, что была упущена эта последняя возможность предотвратить катастрофу». «Исчезновение царя, — отмечал Жильяр, — оставило в душе народной огромный пробел, который она была не в силах заполнить. Сбитый с толку и не знающий, на что решиться в поисках идеала и верований, способных заменить ему то, что он утратил, народ находил вокруг себя лишь полную пустоту. Чтобы закончить дело разрушения, Германии оставалось лишь напустить на Россию Ленина и его сторонников, широко снабдив их золотом»²⁸. Крушению Временного правительства, олицетворявшего Демократическую Россию, способствовала, помимо крайнего доктринерства революционных министров, и их полная некомпетентность именно в делах управления государством, да еще таким колоссальным, как Россия, находившимся к тому же в состоянии беспримерной внешней войны.

«Большинство общественных ставленников, — указывал В.И. Гурко, — оказалось в нравственном отношении на уровне наихудших из их непосредственных бюрократических предшественников, а как администраторы-техники они были неизмеримо ниже их»²⁹. Даже участники Февральской революции пальму первенства отдавали министрам императорского правительства. Барон Б.Э. Нольде, сам прошедший отличную бюрократическую школу, «с особенной любовью язвил» над министром-председателем Временного правительства князем Г.Е. Львовым, тем же П.Н. Миллюковым и другими членами Временного правительства по поводу того, что для них «искусство быть министром — книга за семью печатями»³⁰. Описывая свои ощущения от Временного правительства первого состава, профессор Ю.В. Ломоносов отмечал: «Ну, какой министр финансов Терещенко, милый благовоспитанный юноша, всегда безукоризненно одетый, служивший по балетной части и пользовавшийся головокружительным успехом у корифеек. Но что он финансам, что ему финансы? А Некрасов, кадет, идеалист... Профессор статистики сооружений без трудов. Знакомый с путями сообщения по студенческим запискам и по Думе... Разве его можно сравнить с[Войновским-]Кригером?.. Наконец, Шингарев, бесспорно умный человек, но он по образованию врач, а в Думе занимался финансами. При чем же земледелие и землеустройство? Ведь тот же Кривошеин его за пояс заткнет... Нет, нехорошо»³¹.

Нелицеприятная характеристика, данная революционным министрам активным участником Февральской революции, полностью соотносится с оценками, данными профессиональными бюрократами.

По воспоминаниям Г.Н. Михайловского, на посту министра финансов М.И. Терещенко «всегда ошибался в цифрах, говоря о миллионах вместо миллиардов, никак не умея при-

---

²⁸ Жильяр П. Указ. соч. С. 151.

²⁹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 427–428.

³⁰ Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 445.

³¹ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 260.

способиться к финансам государства, все же превышавшим его миллионное состояние»³². Вспоминая о деятельности Терещенко на посту министра иностранных дел, В.Б. Лопухин писал: «Голова его была менее всего занята ведомственными вопросами. Он плохо вникал в них. Сосредоточил свою стремительную суетливость и болтовню преимущественно на вопросах общей политики Временного правительства в целом»³³. Министр путей сообщения Н.В. Некрасов немедленно по получении своего поста возложил «бремя технического руководства» на «одного молодого инженера», а сам «с искусством специалиста» начал ухаживать за дочерью видного кадета Д.С. Зернова³⁴. Министр земледелия А.И. Шингарев, даже по признанию своего единомышленника и друга В.Д. Набокова, мог претендовать «не на государственный, а на губернский или уездный масштаб»³⁵. По наблюдениям же выдающегося ученого-аграрника русского датчанина К.А. Кофода, Шингарев не имел «ни малейшего понятия» о сельском хозяйстве³⁶. Если столь несостоятельными в качестве министров оказались деятели Временного правительства первого состава, все же обладавшие некоторыми представлениями о государственной деятельности благодаря работе в Думе, то их ближайшие преемники, к Думе не причастные, проявили еще большую несостоятельность. По мнению одного из кадетских лидеров А.В. Тырковой, деятельность министров Временного правительства доказала, что «оппозиция не была подготовлена к руководству государством»³⁷.

Точка зрения Тырковой полностью соотносится с выводом В.Б. Лопухина о том, что в результате Февральской революции к власти пришли общественные деятели, принадлежавшие, в своем большинстве, к числу «наименее стойких» элементов «отживавшего помещичьего дворянства». По наблюдениям Лопухина, «лучшая молодежь помещичьего класса», окончивая вузы, поступала на государственную, гражданскую или военную, службу, между тем как «худший отпрыск помещичьего класса», еле окончивавший гимназию, проникал в земство, делая более легкую карьеру по местному и дворянскому самоуправлению³⁸. В свою очередь, это мнение соотносится с точкой зрения В.И. Гурко, считавшего, что в Царской России «служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном»³⁹. В развитие сделанного им вывода Лопухин писал о феномене «преобладавших в земствах никудышников и лодырей», которые, как правило, и пополняли прослойку «земских людей», образуя общественную контрэлиту. Именно они становились председателями и членами уездных и губернских земских управ, уездными и губернскими предводителями дворянства, а после 1907 г. – депутатами Государственной думы и выборными членами Государственного совета⁴⁰. В том, что в Феврале 1917 г. именно эти люди пришли к власти, Лопухин видел главную причину падения Временного правительства.

Государственное младенчество министров Демократической России привело к водворению в ней не свободы, а анархии, нараставшей также вследствие принципиального отказа Временного правительства от использования силы для борьбы с противниками слева, группировавшимися в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительном комитете, который появился в начале Февральской революции и самозванно провозгласил себя высшим органом социальной демократии. После возвращения из эмиграции, с разрешения Временного правительства и вопреки мнению союзников России по Антанте, В.И. Ленина и его

---

³² Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 364.

³³ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 304–305.

³⁴ Михайловский Г.Н. Указ. соч. С. 349.

³⁵ Набоков В.Д. Временное правительство. // Архив русской революции. 1921. Т. 1. С. 50.

³⁶ Кофод К.А. 50 лет в России. 1878–1920. М., 1997. С. 256.

³⁷ Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998.

³⁸ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 79–80.

³⁹ Гурко В.И. Указ. соч. С. 241, 242.

⁴⁰ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 79–80.

ближайших соратников начинается постепенное усиление влияния большевизма, пользовавшегося финансовой поддержкой Германии, не только в Петроградском, но и в местных Советах депутатов. Объявив о необходимости немедленного заключения мира с Германией и превращения войны внешней в войну внутреннюю, гражданскую, первую репетицию ее развязывания большевики предприняли уже 20 апреля, когда была опубликована нота П.Н. Милюкова, обращенная к державам Антанты, о готовности России довести войну до победного конца. В этот день к Мариинскому дворцу, резиденции Временного правительства, подошли вооруженные демонстрации с лозунгами: «Долой Милюкова!», «Милюков в отставку!», но уже вечером там же появились демонстрации с другими лозунгами: «Доверие Милюкову!», «Да здравствует Временное правительство!».

«В ночь на 21 апреля многотысячная толпа наполнила площадь перед Мариинским дворцом с выражениями сочувствия мне, – вспоминал сам Милюков. – Меня вызвали из заседания на балкон, чтобы ответить на приветствия. Одна фраза из моего взволнованного обращения повторялась в публике. „Видя плакаты с надписями: «Долой Милюкова!» – говорил я, – я не боялся за Милюкова. Я боялся за Россию“. Я указывал на вред дискредитирования власти, на невозможность заменить эту власть другой, более авторитетной и более способной – довести страну до создания нового демократического строя»⁴¹. В то время единомышленник П.Н. Милюкова, военный и морской министр А.И. Гучков болел, а потому заседания Временного правительства происходили в Доме военного министра. «Я, – писал начальник Канцелярии Совета министров В.Д. Набоков, – помню бурный день, начавшийся появлением войск на площади Мариинского дворца и закончившийся непрерывным митингом перед домом Военного министерства и горячими овациями по адресу Милюкова и Гучкова. В тот день еще чувствовалась большая моральная сила Временного правительства, остававшаяся – увы! – совершенно неиспользованной»⁴². Действительно, вместо того, чтобы опереться на народную поддержку, Временное правительство не столько по причине давления Исполкома Петросовета, сколько в силу интриг лидера левого крыла Временного правительства, министра юстиции А.Ф. Керенского, в качестве заместителя председателя Исполкома – «заложника демократии» в этом правительстве, решило пожертвовать П.Н. Милюковым и А.И. Гучковым.

После своей вынужденной отставки в письме А.А. Лодыженскому, начальнику Канцелярии по гражданскому управлению при Ставке Верховного главнокомандующего, Милюков, уже как лидер Кадетской партии, откровенно писал о причинах и последствиях Февральской революции:

«В ответ на поставленные Вами вопросы, как я смотрю на совершенный нами переворот, я хочу сказать... того, что случилось, мы, конечно, не хотели... Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что громадную разруху в армии остановим быстро, если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, поплатимся за свержение царя лишь некоторой отсрочкой этой победы. Надо сознаться, что некоторые, даже из нашей партии, указывали нам на возможность того, что произошло потом, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии... Что же делать, ошиблись в 1905 году в одну сторону, теперь опять, но в другую. Тогда не оценили сил правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты Вы видите сами.

Само собой разумеется, что вожаки Совета рабочих депутатов ведут нас к поражению, финансовому и экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций, помимо полной своей бессмысленности, уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками, подорвала наш кредит. Конечно, это

---

⁴¹ Милюков П.Н. Воспоминания. В 2-х т. М., 1991. Т. 2. С. 312.

⁴² Набоков В.Д. Указ. соч. С. 76–77.

не было сюрпризом для его изобретателей. Не буду излагать Вам, зачем все это нужно было, кратко скажу, что здесь играли роль частью сознательная измена, частью желание половить рыбу в мутной воде, частью страсть к популярности. Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность лежит на нас.

Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, Вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю.

Что же делать теперь, спросите Вы. Не знаю, т. е. внутри мы все знаем, что спасение России – в возвращении к монархии, знаем, что все события последних двух месяцев явно доказывают, что народ не способен был принять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями.

Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться не можем с теми правыми и подчиниться тем правым, с которыми долго и с таким успехом боролись, тоже не можем. Вот все, что я могу сейчас сказать»⁴³.

Так откровенно думал проигравший, но победителю – А.Ф. Керенскому – все представлялось пока что гораздо проще. После Апрельского кризиса, получив портфели военного и морского министров, он укрепил свои позиции в первом коалиционном, «буржуазно-социалистическом», Временном правительстве – в него вошли как «министры-капиталисты», так и «министры-социалисты», опиравшиеся на Совет рабочих и солдатских депутатов. В июне, по инициативе Керенского, началось неудачное наступление русской армии, против которого агитировали большевики. В самом начале июля соратники Керенского пошли на уступки Центральной раде в Киеве и согласились на автономизацию Украины, против чего выступили кадеты, а затем последовало июльское выступление большевиков в Петрограде, подавленное военными властями столицы. Все это закончилось образованием второго коалиционного Временного правительства во главе с Керенским. Наконец, в конце августа 1917 г., в связи с неудавшейся попыткой Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова оторвать Керенского от Совета рабочих и солдатских депутатов и разогнать это учреждение, последовал очередной политический кризис, который закончился взятием на себя Керенским верховного главнокомандования и сохранением за ним председательства в третьем коалиционном Временном правительстве, низложенном 25 октября 1917 г. в ходе Октябрьской революции.

Примат политической целесообразности над функциональной проявился в чудовищной кадровой нестабильности, затронувшей Временное правительство в еще большей степени, чем императорское с его знаменитой «министерской чехардой», поскольку Временное правительство еще 3 марта 1917 г. лишило себя незыблемой опоры сверху в виде монархической власти, и так и не нашло подобной опоры внизу, у Совета рабочих и солдатских депутатов. Если с июля 1914 г. по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебивали 39 человек⁴⁴, то с марта по октябрь 1917 г., за 8 месяцев, – 42 человека⁴⁵. Следовательно, при Временном правительстве на высшем уровне исполнительной власти текучесть кадров возросла в 5 раз! «Министерская

---

⁴³ Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 90–91.

⁴⁴ Куликов С.В. «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 – февраль 1917). // Из глубины времен. 1994. Вып. 3. С. 43.

⁴⁵ Куликов С.В. Временное правительство: кадровые перестановки (март – октябрь 1917) // Из глубины времен. 1996. Вып. 7. С. 27.

чехарда последних месяцев царского режима, – констатировал В.Б. Лопухин, – бледнеет перед свистопляскою „министров“ (с позволения сказать) Временного правительства. Пронеслась лавина политических акробатов. Сколько их? Куда их гонит? Министром было легче сделаться в эти дни, чем помощником столоначальника. Лезли и пролезали в министры, правда, на самые короткие сроки, из многочисленных и разнообразных питомников „политических деятелей“ того удивительного времени все, кому только было не лень. Временное правительство обрательилось в проходной двор, в ярмарку, в огромном большинстве тщеславных, но сугубо немощных бездарностей. Как редки были исключения! Да и они? Если можно было признать за кем относительные таланты, то в какой угодно области, только не государственного управления. Немудрено, что немного сохранилось в памяти имен этих пытавшихся засорить собою историю политических банкротов»⁴⁶. Указанные обстоятельства быстро погружали утлую ладью Временного правительства в пучину беспросветной анархии.

От политики перейдем к финансам, так как именно они являются нервом не только экономической, но и политической жизни. Демократическая Россия, это воплощение кустарной государственности, пустила по ветру все финансовые достижения Царской России и, принося в жертву развития революции оборону государства, точнее – само государство, вела страну к финансовому краху. Для того, чтобы лучше понять это, необходимо сравнить то, чего достигли министры Царской России, с тем, что натворили вожди Демократической России. С июля 1914 г. до июля 1917 г. расходы по Военному фонду выросли с 2546 до 37 841 млн руб., в 15 раз, однако с июля 1914 г. по декабрь 1916 г. они составили 27 188 млн руб. (72 %), а только за 6 месяцев 1917 г. – 10 653 млн руб. (28 %), иными словами – выросли в 2,5 раза. Ежедневные военные расходы в 1916 г. составили 42 млн руб., увеличившись на 16 млн руб., за 6 месяцев 1917 г. – 59 млн руб., повысившись на 17,2 млн руб., больше, чем за весь предыдущий год! Это явление компетентный экономист Г.Д. Деметьев напрямую связывал «с происшедшей революцией и с предъявлением исключительных требований демократическими массами»⁴⁷. Что касается обыкновенного (ординарного) бюджета, то только его сверхсметные расходы с марта по октябрь 1917 г. составили 974,5 млн руб., увеличившись более чем в 3 раза по сравнению со всем предыдущим 1916 г.⁴⁸

«Ни в один период российской истории, – признавал Н.В. Некрасов, на тот момент министр финансов, на заседании Государственного совещания 12 августа 1917 г., – ни одно царское правительство не было столь расточительно – я не касаюсь мотивов этой расточительности, – ни одно не было столь щедро в своих расходах, как правительство революционной России». Впрочем, отметив, что «новый революционный строй обходится Государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй», Некрасов назвал и причину этого – те социальные эксперименты, которыми стали заниматься дорвавшиеся до власти лидеры левых, социалистических партий. В частности, заявленные ими годовые расходы на организацию продовольственных комитетов должны были составить 500 млн руб., земельных комитетов – 140 млн и т. д.⁴⁹ Какие же источники доходов использовало Временное правительство?

По сравнению с 1916 г. в 1917-м доля налоговых поступлений понизилась с 22,2 до 12,1 %, приблизительно в 2 раза⁵⁰, хотя в марте – октябре 1917 г. Временное правительство

---

⁴⁶ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 306.

⁴⁷ Финансовое положение России перед Октябрьской революцией // Красный архив. 1927. Т. 25. С. 25, 26.

⁴⁸ Краткий обзор деятельности Департамента Государственного казначейства. Декабрь 1918 г. // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. Ч. 2. М.-Л., 1957. С. 384.

⁴⁹ Доклад министра финансов Н.В. Некрасова в Государственном совещании о состоянии финансов, основных принципах финансовой политики Временного правительства и деятельности Министерства финансов. 12 августа 1917 г. // Экономическое положение России... С. 412, 415.

⁵⁰ Шмелев К. Ф. Указ. соч. С. 17.

получило от повышения только прямых и косвенных налогов на 295 млн руб. больше, чем императорское – за тот же период предыдущего года⁵¹. Отмеченное понижение произошло, прежде всего, потому, что в 1917 г., сравнительно с 1916 г., доля доходов от выпуска бумажных денег выросла с 19,7 до 42,9 %, в 2 раза⁵². Временное правительство увеличивало эмиссионное право Государственного банка 4 марта – на 2 млрд руб., 15 мая – на 2 млрд и 11 июля – на 2 млрд, всего – на 6 млрд руб. Если императорскому правительству для увеличения упомянутого права на 6200 млн руб. понадобились два с половиной года войны, то Временному правительству, для увеличения на меньшую сумму в 6 млрд, – лишь 5 месяцев⁵³. С марта по октябрь 1917 г. было выпущено бумажных денег почти столько же (7340 млн руб.), сколько их выпустили за все предыдущее время войны (8317 млн руб.). После победы Февральской революции каждый месяц в обращение поступала сумма приблизительно в 4 раза большая, чем за месяц войны до революции (1048 млн руб. против 264 млн руб.). Если с июля 1914 г. до марта 1917 г. бумажные деньги покрывали приблизительно 30 % всех военных расходов, то с марта по сентябрь 1917 г. – почти 80 %⁵⁴. Таким образом, усиленная денежная эмиссия стала для Временного правительства, в отличие от императорского, главным источником покрытия расходов.

По наблюдениям Г.Д. Дементьева, количество бумажных денег резко возросло «в связи с революционным временем и с проявившимся стремлением демократических масс, пользуясь своей сплоченностью и силой, требовать улучшения своего материального положения за счет казны, владельцев частных предприятий и пр.»⁵⁵. Галопирующая инфляция привела к резкому обесценению рубля и обвалному падению его заграничного курса: за 7 месяцев нахождения у власти Временного правительства курс рубля в Лондоне и Париже, равнявшийся к марту 1917 г. 68 и 75 % от довоенного уровня, понизился, соответственно, на 45 и 43 % до 23 и 32 %⁵⁶ и продолжал понижаться, свидетельствуя о наступлении финансового краха.

Компенсировать последствия инфляции могли бы внутренние займы, но в 1917 г., по сравнению с 1916 г., доля расходов, покрываемых ими, упала с 33,3 до 13,7 %⁵⁷, что свидетельствовало «о неудачной в целом политике Временного правительства в области государственных ценных бумаг»⁵⁸. Неудачу инициированных этим правительством внутренних займов, прежде всего – «Займа Свободы», экономист А.И. Буковецкий объяснял тем, что оно «непопулярно ни в правых, ни в левых кругах»⁵⁹. В 1917 г., сравнительно с 1916 г., доля расходов, покрываемых внешними займами, возросла с 24,8 до 31,3 %⁶⁰. Казалось бы, хотя бы в этой сфере Временное правительство превзошло царское. Действительно, к ноябрю 1917 г. военные долги России союзникам составляли 7223 млн руб. (по довоенному курсу), из них 5189 млн задолжало императорское правительство и 2034 млн руб. – Временное правительство. С июля 1914 г. по октябрь 1917 г. от Англии Россия получила 70,6 % займов, от Франции – 18,5, от

---

⁵¹ Краткий обзор деятельности Департамента Государственного казначейства. Декабрь 1918 г. // Экономическое положение России... С. 383–384.

⁵² Шмелев К.Ф. Финансовая политика дореволюционной России и Советского Союза. М., 1926. С. 17.

⁵³ Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С. 6.

⁵⁴ Представление министра финансов Временному правительству о расширении эмиссионного права Государственного банка на 2 млрд руб. 6 октября 1917 г. // Экономическое положение России... С. 423, 424.

⁵⁵ Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. С. 28.

⁵⁶ Дементьев Г.Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 206.

⁵⁷ Шмелев К. Ф. Указ. соч. С. 17.

⁵⁸ История Министерства финансов России. В 4-х т. Т. 1. 1903–1917 гг. М., 2002. С. 206.

⁵⁹ Доклад А.И. Буковецкого о состоянии финансов на I Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов. 19 октября 1917 г. // Экономическое положение России... С. 380.

⁶⁰ Шмелев К. Ф. Указ. соч. С. 17.

США – 6,4, от Японии 3,2 и от Италии – 1,3 %⁶¹. Однако английское правительство не только отказалось от подписания финансового соглашения с Временным правительством на основании Меморандума 25 января (7 февраля) 1917 г., но и с 1 апреля вообще прекратило предоставление ему ежемесячных кредитов⁶². Подобное поведение объяснялось тем, что Временное правительство потеряло доверие англичан менее чем через месяц после своего образования.

В правительственной декларации от 27 марта 1917 г., содержащей указание на то, что целью России в войне не является «насилованный захват чужих территорий»⁶³, Лондон увидел готовность партнера заключить «мир без аннексий». Между тем, телеграфировал временный поверенный России в Англии К.Д. Набоков министру иностранных дел П.Н. Милюкову, «ни Англия, ни Франция, ни Италия не могут принять этого принципа и отказаться от сохранения за собой земель, уже завоеванных, или тех, которые они хотят оставить за собой по мирному договору»⁶⁴. Из-за прекращения кредитования Англией Временного правительства вся русская наличность английской валюты к началу июля была полностью исчерпана⁶⁵. Те 187 млн долл., которые предоставили Временному правительству США, не могли закрыть образовавшуюся брешь⁶⁶. В результате по линии внешних займов с марта по октябрь 1917 г. Временное правительство получило на 1 млрд руб. меньше, чем царское правительство за тот же период 1916 г.⁶⁷, так что и здесь новые правители России доказали свою несостоятельность.

Последствием роста внутренних и внешних займов Временного правительства явился рост государственного долга: к 1 января 1917 г. он составил 33 581 млн руб., к 1 июля 1917 г. – 43 906 млн, а к 1 января 1918 г. (по расчетам специалистов) должен был составить 60 млрд руб.⁶⁸, почти в 2 раза больше, чем 1 января 1917 г.! Таким образом, именно Февральская революция, а не предыдущая деятельность императорского правительства стала главной причиной полного финансового расстройств, в которое впала Россия под властью, а скорее – безвластием, Временного правительства, что публично признавали даже его деятели. Н.В. Некрасов на заседании Государственного совещания 12 августа 1917 г. заявил совершенно однозначно: «Граждане, сейчас чрезвычайно распространено мнение о том, что революция была тем фактором, который повлиял особенно пагубным образом на финансовое хозяйство России. И я скажу, что в этом утверждении есть доля истины. Объективный язык цифр говорит нам, что, даже учитывая весь рост неблагоприятных обстоятельств, который накопился к моменту революции, учитывая все те неблагоприятные обстоятельства, которые сложились и которые произвели то, что в математике именуется возведением в степень, что все эти факторы не объясняют еще того финансового бедствия, при котором мы присутствуем, если не учесть влияния революции и тех особых обстоятельств, которые были ею созданы. Деятели революции должны в этом отношении смотреть правде прямо в глаза»⁶⁹.

Однажды А.И. Шингарев, являвшийся в мае – июле 1917 г. министром финансов, обратился к П.Л. Барку, последнему министру финансов императорского правительства, с вопросом: «Что делать?» Маститый финансист ответил, что «пока будут заниматься спасением революции, вместо того, чтобы спасти Россию, никакие меры не приведут к ограждению нашего

---

⁶¹ История Министерства финансов России. С. 225.

⁶² Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства английскому правительству о предоставлении кредитов России до заключения нового русско-английского финансового соглашения. 22 июня 1917 г. // Экономическое положение России... С. 547.

⁶³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 444–445.

⁶⁴ Телеграмма К.Д. Набокова П.Н. Милюкову. 4 апреля 1917 г. // Экономическое положение России... С. 475.

⁶⁵ Записка министров иностранных дел и финансов Временного правительства... С. 547.

⁶⁶ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 9.

⁶⁷ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 378.

⁶⁸ История Министерства финансов России. С. 206.

⁶⁹ Доклад министра финансов Н.В. Некрасова... С. 412.

рубля от падения»⁷⁰. Правоту П.Л. Барка подтвердил тот же Некрасов, открыто признавший 12 августа, намекая на разорительность начавшегося после падения монархии социального эксперимента, что «расходование средств, которое было до сих пор, нам не по карману». «Мне нечего говорить вам, – обращался он к участникам Государственного совещания, – что такого рода расходы

Государственное казначейство выдержать не может и что им должен быть положен предел»⁷¹. Пони мая, что Февральская революция со всеми ее утопическими экспериментами, да еще в период войны, является, особенно для России, слишком дорогим удовольствием, деятели Временного правительства, однако, предпочитали не воплощать этого понимания в дела. В результате, после победы в Петрограде 25 октября 1917 г. Октябрьской революции, на смену Демократической России пришла Советская Россия, причем если вожди первой были умеренными утопистами, то вожди второй – радикальными утопистами, жестоко отрубавшими все, что полностью не помещалось на прокрустовом ложе их незамысловатых социальных теорий.

До сих пор еще распространено мнение, будто Совет народных комиссаров во главе с В.И. Лениным немедленно после захвата власти эффективно решил два важнейших вопроса – о мире и о земле. Действительно, по инициативе В.И. Ленина 26 октября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял Декрет о мире, чему способствовали причины как внутреннего, так и внешнего порядка. Одним из итогов деятельности Временного правительства стала полная потеря русской армией боеспособности, что поставило на повестку дня вопрос о выходе России из войны. С другой стороны, в установлении мира на Восточном фронте была крайне заинтересована Германия, которая, прямо и косвенно, в известной степени содействовала приходу к власти большевистского правительства, чьи внешнеполитические интересы, на тот момент, полностью совпали с интересами Германии. «Совершенно определенно заявляю вам, – показывал следователю Н.А. Соколову знаменитый разоблачитель провокаторов В.Л. Бурцев в августе 1920 г., подразумевая большевиков, – что самый переворот 25 октября 1917 г., свергнувший власть Временного правительства и установивший власть Советов, был совершен немцами через их агентов, на их деньги и по их указаниям. Собственная позиция немцев в этом вопросе совершенно ясна. Не боясь сами развития у себя русского большевизма благодаря их высокому общему культурному уровню, немцы прибегли в 1917 г. к этому средству как к способу развала России, выводя ее из рядов борющихся с ними врагов»⁷². Это не значит, что большевики были «немецкими шпионами», это значит только то, что, и здесь необходимо повториться, в октябре 1917-го цели большевиков и немцев полностью совпали, чем и воспользовался, вдохновляемый дьявольским макиавеллизмом, «вождь мирового пролетариата».

В Декрете о мире, написанном В.И. Лениным, «рабочее и крестьянское правительство» предлагало «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире», под которым подразумевался мир «без аннексий и контрибуций». Вместе с тем, советское правительство заявляло, что «отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными», иными словами – соглашалось рассмотреть «и всякие другие условия мира». Таким образом, отказ от аннексий и контрибуций в Декрете о мире не являлся принципиальным. Тайную дипломатию советское правительство «отменяло», выражая «твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г.». Однако

---

⁷⁰ Куликов С.В. «Непотопляемый Барк»: финансист и политик // Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917. В 2-х т. М., 2017. Т. 1. С. 74.

⁷¹ Доклад министра финансов Н.В. Некрасова... С. 413, 415.

⁷² Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. // Российский архив. 1998. Т. 8. С. 221.

в Декрете о мире подчеркивалось особо: «Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным»⁷³. Очевидно, что вопрос о несправедливости аннексий, сделанных НЕ в пользу великороссов Германией и Австро-Венгрией, оккупировавших во время Первой мировой войны западные территории Российской империи, перед В.И. Лениным даже не вставал, как и вопрос о том, насколько ущемление прав великороссов соответствовало принципу равноправия национальностей и вытекавшему из него праву наций на самоопределение. Все эти вопросы большевики передавали на усмотрение сапога кайзеровского солдата...

Далее в Декрете о мире «правительствам и народам всех стран» предлагалось «немедленно заключить перемирие» «не меньше как на три месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира». Если реализация приведенного пункта была невозможна просто технически, то последний пункт имел явно провокационный характер, фактически призывая пролетариев воевавших стран к гражданской войне против своих правительств. «Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, – говорилось в последнем пункте Декрета о мире, – Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств – Англии, Франции и Германии». В Декрете о мире выражалась надежда, что «рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий» и «всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»⁷⁴. Следовательно, уже в Декрете о мире была заложена двойственность, отличавшая последующую советскую внешнюю политику на протяжении всей ее истории: с одной стороны, поддержание дипломатических отношений с «буржуазными государствами», с другой – экспорт социалистических революций в указанные государства путем использования их коммунистических партий, экспорт, который продолжался вплоть до 1991 г.

По причине своего чисто декларативного, даже демагогического, характера какого-либо существенного влияния на международные отношения конца 1917 г. Декрет о мире не оказал. Его единственным реальным итогом были начавшиеся 20 ноября 1917 г. сепаратные переговоры советского правительства с Германией и ее союзниками, закончившиеся подписанием 3 марта 1918 г. Брестского (по признанию В.И. Ленина – «похабного») мира, согласно которому Россия потеряла территорию размером около 1 000 000 квадратных километров и обязалась выплатить контрибуцию в 6 000 000 000 марок. От подписания Брестского мира до Ноябрьской революции 1918 г. в Германии советское правительство выплатило одной германской стороне около 584 000 000 марок золотом и бумажными денежными знаками в счет погашения довоенной задолженности и ущерба, понесенного германскими собственниками в годы Первой мировой войны⁷⁵. Таким образом, основные требования

---

⁷³ Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 12–16.

⁷⁴ Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 12–16.

⁷⁵ Петров Ю.А. К вопросу о финансовом положении России в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война... С. 18.

Декрета о мире – мир без аннексий и контрибуций – были не реализованы, и прежде всего по отношению к России. «Нам обещали немедленный мир, демократический мир, заключенный народами через головы своих правительств, – говорилось в Декларации состоявшегося 13 марта 1918 г. Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. – А на деле нам дали постыдную капитуляцию перед германскими империалистами. Нам дали мир, наносящий сильнейший удар всему рабочему Интернационалу и поражающий насмерть русское рабочее движение. Нам дали мир, закрепляющий распад России и делающий ее добычей иностранного капитала, мир, разрушающий нашу промышленность и позорно предающий интересы всех народностей, доверившихся русской революции»⁷⁶.

Большевики не выполнили и обещание об «отмене тайной дипломатии». «Нам дали мир, при котором мы не знаем даже точных границ своего рабства, – отмечалось в уже цитированной Декларации, – потому что большевистская власть, столько кричавшая против тайной дипломатии, сама практикует худший сорт дипломатической тайны и, уже покидая Петроград, до сих пор не сообщает полного и точного текста всех условий мира, самовольно распоряжаясь судьбами народа, государства, революции»⁷⁷. Через два дня, 15 марта 1918 г., на следующем Чрезвычайном собрании уполномоченных фабрик и заводов Петрограда, была принята резолюция, которая подчеркивала: «За спиной народа, за спиной рабочего класса совершаются тайные сделки с германскими хищниками»⁷⁸. Можно согласиться, что Брестский мир явился троянским конем, подготовленным большевиками для Вильгельма II, но, с другой стороны, внутривойсковое положение большевиков и после капитуляции кайзеровской Германии во многом зависело именно от немцев, которые после Ноябрьской революции 1918 г. и денонсации «похабного мира», однако, так и не вернули Советской России выплаченную ею контрибуцию. Вместе с тем Декрет о мире, точнее, его непосредственные результаты, способствовал реализации провозглашенной еще в начале Первой мировой войны доктрины В.И. Ленина о превращении войны «империалистической» в войну гражданскую, которая, с ее миллионами погибших, стоила России в несколько раз дороже, чем Первая мировая.

Декрет о земле, также принятый 26 октября 1917 г. на заседании II Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вообще являлся просто плагиатом, поскольку его окончательный проект В.И. Ленин составил, используя Примерный наказ, подготовленный эсеровской редакцией «Известий Всероссийского Совета крестьянских депутатов» на основе 242 местных крестьянских наказов и опубликованный там же 19 и 20 августа 1917 г. (в № 88 и 89). Согласно Декрету о земле, помещичья собственность на землю отменялась немедленно и без всякого выкупа, а помещичьи имения и «все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями» переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Одновременно, в связи с провозглашением в Декрете о земле социализации крестьянской земли, права частной собственности на землю полностью лишались не только помещики, но и крестьяне⁷⁹. Реально Декрет о земле, ставший верхом политической демагогии, имел исключительно агитационное значение и экономически был абсолютно нецелесообразным.

Еще 19 мая 1906 г., на заседании I Государственной думы, главноуправляющий землеустройством и земледелием (т. е. министр земледелия) А.С. Стишинский сообщил, подразумевая пахотные угодья, что количество частновладельческих (помещичьих) земель равнялось 33 000 000 дес., казенных – 4 000 000, удельных – 1 800 000, церковных – менее 2 000 000,

---

⁷⁶ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917–1929. Экономические конфликты и политический протест. Сборник документов. СПб., 2000. С. 61.

⁷⁷ Там же. С. 61.

⁷⁸ Там же. С. 68.

⁷⁹ Декреты Советской власти. С. 17–20.

всего – 41 000 000⁸⁰. За период с 1 января 1905 г. по 1 января 1915 г. дворянское землевладение в целом сократилось с 49 768 200 дес. до 38 985 100 дес., т. е. на 10 783 100 дес., отойдя преимущественно, через Крестьянский поземельный банк, тому же крестьянству⁸¹. Однако, даже если, применительно к 1906 г., сопоставить 41 000 000 дес. с пространством удобной надельной (крестьянской) земли, исчислявшейся в 112 000 000 дес., окажется, что отчуждение всех помещичьих, казенных, удельных и церковных земель и передача их крестьянам увеличили бы крестьянское землевладение на 35 %, т. е. в незначительной степени. Если же иметь в виду, что в среднем на душу мужского пола в 1906 г. приходилось по 2,66 дес. пахотной земли, при этом в расчет соотношение пространства пахотных и иного рода удобных угодий в составе надельных земель, то прибавление отчужденной земли увеличило бы крестьянское землевладение в среднем на одну десятину на душу мужского пола⁸².

Прогнозы А.С. Стишинского полностью оправдались, поскольку в результате распределения земель сельскохозяйственного назначения на территории Европейской России в 1919 г. крестьянское землевладение возросло: на 2,6 % (Северный район), 43,6 (Северо-Западный), 34,4 (Западный), 14,9 (Центрально-Промышленный), 32,5 (Центрально-Земледельческий), 47 % (Поволжский), всего (без Пермской и Уфимской губерний) – на 29,8 %. По уточненным данным от 15 апреля 1922 г., площадь удобной крестьянской земли в среднем увеличилась на 4 %⁸³. Передача крестьянам помещичьих и казенных земель полностью лишила их заработка от этих земель, который в 1906 г. равнялся 450 000 000 руб. в год, и привела к понижению урожайности отчужденных земель, которая, по разным оценкам, была выше урожайности крестьянских земель на 15–25 %. Между тем уменьшение урожайности земли на 20 % угрожало сокращением производства хлеба на 150 000 000 пудов⁸⁴. Поскольку помещичьи хозяйства, в отличие от крестьянских, работавших, прежде всего, на себя, работали на рынок и являлись основными поставщиками товарного хлеба, поступавшего в города и обеспечивавшего хлебный экспорт, ликвидация помещичьей земли привела к оттоку хлеба из городов и наступлению в них голода, более страшного, чем в блокадном Ленинграде, и унесшего в 1918 и 1919 гг. миллионы жизней. «Нам обещали хлеб, – говорилось в Декларации состоявшегося уже 13 марта 1918 г. Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов Петрограда. – А на деле нам дали небывалый голод»⁸⁵.

Ликвидация помещичьего землевладения, сводившаяся, как правило, к разгрому имений, привела и к общему понижению культурного уровня деревни. «Господа народные комиссары, – писал А.М. Горький, – совершенно не понимают того факта, что когда они возглашают лозунги „социальной“ революции, духовно и физически измученный народ переводит эти лозунги на свой язык несколькими краткими словами: „Громи, грабь, разрушай...“ И разрушают редкие гнезда сельскохозяйственной культуры в России, <...> разрушают все и всюду»⁸⁶. Характеризуя «явления сельской анархии», ставшие следствием реализации Декрета о земле, выдающийся экономист А.Д. Билимович отмечал: «В первую голову они коснулись помещичьих хозяйств, но это было лишь начало. События потекли дальше. Началось отнятие земли у зажиточных крестьян, хуторян, отрубщиков, купивших землю через Крестьянский банк; стали расхищать и разорять их хозяйства. Провозглашение социализации земли уничтожало даже крестьянскую земельную собственность. Вместе с этим встал во весь свой

---

⁸⁰ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 5-ти т. М., 1995. Т. 1. С. 145.

⁸¹ Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский Декрет о земле в действии. Сборник статей. М., 1979. С. 272.

⁸² Государственная дума. С. 145.

⁸³ Данилов В.П. Указ. соч. С. 284–287, 291.

⁸⁴ Государственная дума. С. 146.

⁸⁵ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». С. 62.

⁸⁶ Горький А.М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 185–186.

рост задача раздела между крестьянами объявленной „принадлежащей всему народу“ даровой земли. В связи со всем этим сельская анархия начала отливаться в тяжелые междоусобицы среди крестьян. Выступили на сцену „комитеты бедноты“. Эти комитеты, состоящие в значительной мере из уголовного сельского и пришлого городского элемента, терроризовали все мало-мальски хозяйственное в деревне. Началась уравнильная душевая нарезка всей помещичьей и крестьянской земли по целым волостям. При этом, так как из городов вследствие голода бежало в деревню много рабочего люда, в некоторых местах на душу пришлось совершенно ничтожные клочки земли... Благодаря всему этому ожидания крестьян, связанные с переделом помещичьих земель, оказались несбывшимися. И крестьяне с недоумением говорят, что „земля куда-то провалилась“. Разочарование и раздражение крестьян увеличили отряды вооруженных рабочих и красноармейцев, посылаемых в деревни для реквизиции продовольствия»⁸⁷. На самом деле с треском провалилась демагогическая программа Декрета о земле, что привело к восстановлению уже в 1918–1919 гг., в колхозах и совхозах, крепостного права, но возведенного в энную степень.

«Наконец, – подчеркивал А.Д. Билимович, – чашу терпения переполнило образование советских коммунистических хозяйств. Когда, несмотря на посылку отрядов, нельзя было получить продовольствие от крестьян, то советские власти во многих местах стали отнимать обратно у крестьян захваченные ими помещичьи земли. На этих землях восстановлено прежнее крупное хозяйство. Только заведование ими вверено особым комиссарам или городским пролетарским кооперативам. Продукты из этих хозяйств идут либо продовольственным комитетам, либо указанным кооперативам. Ради обслуживания этих хозяйств на крестьян наложена трудовая повинность. В большинстве случаев за этот подневольный труд ничего не платят. Так же ведутся хозяйства, обслуживающие сахарные заводы. Таким образом, свободнейший в мире социалистический строй, оправдывая предсказания о „грядущем рабстве“, возродил в самой страшной форме, с применением жесточайших расстрелов, былую „барщину“»⁸⁸. Достигнув определенных целей как агитационное средство, Декрет о земле вверг сельское хозяйство России в состояние невиданного упадка, выйти из которого в период так называемого «военного коммунизма» советская власть безуспешно пыталась, используя, вместо рыночного регулирования, меры внеэкономического принуждения. Только в 1921 г., с введением НЭПа, после того, как в 1920 г. благодаря крестьянским восстаниям почва под ногами большевистского правительства загорелась почти во всех губерниях Советской России, крестьянство получило некоторую, хотя и относительную, передышку.

Антинародная внешняя и внутренняя политика Совета народных комиссаров и лично В.И. Ленина с первого момента появления их у власти вызвала неприятие со стороны подавляющего большинства населения, по причине чего уже 27 октября 1917 г. вспыхнула Всероссийская политическая забастовка служащих государственных, общественных и частных учреждений, объявленная Союзом союзов служащих государственных учреждений г. Петрограда (Союзом союзов) – профессионально-политической организацией столичного чиновничества, которая возникла после Февральской революции и объединяла союзы служащих всех министерств и ведомств, находившихся в столице. Чиновник Минфина С.К. Бельгард записал 28 октября 1917 г., что «во всех министерствах служащие прекратили занятия»⁸⁹. «Весь старый персонал Министерства труда (насчитывавший несколько сот человек. – С.К.) бастовал, – вспоминал наркомтруда А.Г. Шляпников. – В других министерствах картина была та же»⁹⁰. Массовости Всероссийской политической забастовки способствовало то, что еще в 1897 г. чиновни-

---

⁸⁷ Билимович А.Д. Экономический строй освобожденной России. М., 2006.

⁸⁸ Горький А.М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 185–186.

⁸⁹ Глазами петроградского чиновника // Нева. 1990. № 9. С. 203.

⁹⁰ Шляпников А.Г. Октябрь // Утро Страны Советов. Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. – 10 марта 1918 г. Л., 1988. С. 129–130.

чество в России насчитывало 435 818 чел. Стачечные комитеты союзов отдельных министерств и ведомств руководили личным составом не только своих столичных, но и всех провинциальных учреждений.

Во Всероссийской политической забастовке приняли также участие весь дипломатический и консульский корпус России и ее военные представители за границей, служащие как государственных учреждений Петрограда, провинции и зарубежья, так и органов земства и городского самоуправления, в которых осенью 1917 г. работали от 250 000 до 500 000 чел. «Не только мелкобуржуазная контрреволюционная братия, – вспоминал один из руководителей НКВД М.Я. Лацис, – но и матерые волки самодержавия окапывались именно в этих органах, и отсюда происходили вылазки на советскую власть»⁹¹. Во Всероссийской политической забастовке участвовали преподаватели вузов и студенты, поскольку, подчеркивал сотрудник Наркомпроса

В. Полянский, «саботирующая советскую власть профессура прикрывалась автономией, мечтала превратить высшую школу в места пропаганды против советской власти, коммунизма и марксизма»⁹². К Всероссийской политической забастовке присоединились и преподаватели средних и начальных учебных заведений, как государственных, так и частных, которых объединял Всероссийский учительский союз, насчитывавший от 150 до 200 000 членов, т. е. большую часть российского учительства, к лету 1918 г. включавшего в себя около 300 000 педагогов⁹³. Кроме служащих государственных и общественных учреждений Всероссийскую политическую забастовку поддержали и служащие частных учреждений, прежде всего – финансовых и торгово-промышленных предприятий. Только в Петрограде уже в первые дни забастовки в ней участвовали 20 000 конторщиков, 10 000 банковских служащих и 3000 приказчиков.

Всероссийская политическая забастовка действительно приняла всероссийский характер как в количественном (до 1 000 000 участников), так и в территориальном отношении (вся Россия и зарубежье) и в конце 1917 – начале 1918 г. представляла собой главную угрозу большевистскому режиму. Один из руководителей забастовки князь Л.В. Урусов записал 1 ноября 1917 г.: «Большевики вовсе не являются хозяевами положения, и, очень удачно захватившие в руки власть, они встретили такое принципиальное осуждение своему поступку и такое единодушное пассивное сопротивление в городе[Петрограде] и отсутствие поддержки по всей России, в подавляющем числе случаев не пошедшей за большевиками, что им оказывается не под силу удержать эту власть и ею начать пользоваться»⁹⁴. «Самым больным в этот период явлением для советской власти, – характеризовал чекист Я.Х. Петерс конец 1917 – начало 1918 г., – была стачка интеллигенции – саботаж, который охватил не только Питер, но и всю страну. Бороться с этим явлением было чрезвычайно трудно»⁹⁵. Хотя большевики и захватили власть, но они не имели аппарата власти, что превращало их пребывание у власти в фикцию. «Бездействие административного аппарата, – отмечал журнал «Трибуна государственных служащих», – более опасно для господства большевиков, чем все выступления юнкеров и Керенского. Керенского можно арестовать, юнкеров можно расстрелять из пушек, но са мая хорошая пушка не может заменить плохой пишущей машинки, и самый храбрый матрос – скромного писца из какого-нибудь департамента. Без государственного механизма, без аппарата власти

---

⁹¹ Лацис М.Я. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах // Утро Страны Советов. С. 231.

⁹² Полянский В. Как начинал работать Народный комиссариат просвещения (Личные воспоминания) // Утро Страны Советов. С. 284.

⁹³ Смирнов Н.Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 г. СПб., 1994. С. 320, 360.

⁹⁴ Урусов Л. В. Из дневника // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны. Сборник документов. Тула, 2014. С. 855.

⁹⁵ Петерс Я.Х. Из воспоминаний о работе ВЧК в первый год революции // Утро Страны Советов. С. 248.

вся деятельность нового правительства похожа на машину без приводных ремней: вертеться – вертится, но работы не производит»⁹⁶.

Помимо государственных средств, другим источником финансирования Всероссийской политической забастовки стал созданный уже в ее начале Забастовочный фонд при Финансовой комиссии ЦК Союза союзов, который пополнялся за счет общественных и частных пожертвований, поступавших как от обычных обывателей, так и от представителей крупного банковского и торгово-промышленного бизнеса. В результате обысков у «лиц, организующих саботаж» Всероссийская чрезвычайная комиссия обнаружила «подписные листы, на которых были десятки тысяч пожертвований со стороны отдельных буржуев в пользу саботировавшей интеллигенции»⁹⁷. По свидетельству Г.Н. Михайловского, «у Нобеля было собрано сразу 90 тыс. руб.»⁹⁸. Апофеозом Всероссийской политической забастовки стало состоявшееся 22 ноября 1917 г. Общее собрание Правительствующего Сената, насчитывавшее до 300 чел., которое вынесло единогласное решение «о непризнании Совета народных комиссаров»⁹⁹. После упразднения Петроградского Военно-революционного комитета борьба с Всероссийской политической забастовкой перешла к специально учрежденной для этого 7 декабря 1917 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (Чека) во главе с Ф.Э. Дзержинским.

Лишь после разгона большевиками 6 января 1918 г. Учредительного собрания, на которое забастовщики возлагали большие надежды, в феврале того же года Всероссийская политическая забастовка стала постепенно свертываться, однако некоторые государственные, общественные и частные учреждения продолжали бастовать и дальше. Всероссийская политическая забастовка создала ситуацию, которая компрометировала большевистское правительство, особенно в Петрограде, поскольку, придя к власти, в течение полугода (октябрь 1917 г. – март 1918 г.) Совнарком фактически оставался лишенным аппарата власти, причем не только в столице, но и на местах, не говоря о зарубежье. Эту проблему не смогла решить замена профессиональных служащих активистами ВКП(б) и случайными людьми. «По большей части, – сообщал французский офицер Ж. Садуль своему другу А. Тома 18 января 1918 г., – кадры подбираются из заслуживающих полного доверия, но авторитарных и неподготовленных партийцев. Вокруг них в большинстве административных органов собрались молодые, буржуазного происхождения, живого, даже слишком живого, ума карьеристы и деляги, у которых, похоже, нет другого ясного идеала, кроме как поскорее набить себе карманы»¹⁰⁰. Всероссийская политическая забастовка стала одной из причин переезда Совнаркома в Москву, где легче было приступить к формированию нового аппарата власти, состоящего из абсолютно лояльных служащих. Позднее к ним прибавились гражданские «спецы», пошедшие служить исключительно на нейтральные должности во исполнение резолюции ЦК Союза союзов. Только в апреле 1918 г., т. е. после переезда советского правительства в Москву, В.И. Ленин констатировал, что «теперь мы саботаж сломили»¹⁰¹. Впрочем, выступая в июне на Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, который заседал также в Москве, В.И. Ленин признал, что до сих пор «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти»¹⁰². Всероссийская политическая забастовка была наиболее длительной и масштабной (в пространственном и количественном смысле) в истории России и стала первым этапом Белого движения.

---

⁹⁶ Трибуна государственных служащих. 1917. № 19 (11–17 ноября). Стлб. 3.

⁹⁷ Петерс Я.Х. Указ. соч. С. 248.

⁹⁸ Михайловский Г.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 50.

⁹⁹ Демьянов А.А. Записки о подпольном Временном правительстве // Архив русской революции. 1922. Т. 7. С. 42.

¹⁰⁰ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 – январь 1919). М., 1990. С. 173.

¹⁰¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 178.

¹⁰² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 420–421.

Росту неприятия большевизма и постепенной реабилитации монархии содействовало сравнение внутривластных реалий Царской России, с ее либеральным режимом, и Советской России, с ее диктатурой одного класса (пролетариата, составлявшего меньшинство населения) и одной партии – ВКП(б), которая противопоставила себя всем остальным партиям. «Живем темнее, чем при Романовых, – записала 10 февраля 1918 г. А.В. Тыркова. – Газеты закрыты. За каждое слово грозят смертью»¹⁰³. «Мы, – вспоминала Тыркова уже в эмиграции, – уверяли себя и других, что мы задыхаемся в тисках самодержавия. На самом деле в нас играла вольность, мы были свободны телом и духом. Многого нам не позволяли говорить вслух. Но никто не заставлял нас говорить то, что мы не думали. Мы не знали страха, этой унижительной, разрушительной, повальной болезни XX в., посеянной коммунистами. Нашу свободу мы оценили только тогда, когда большевики закрепили всю Россию. В царские времена мы ее не сознавали»¹⁰⁴. «Большевистские порядки, – подчеркивал сенатор С.В. Завадский, – разумеется, заставляют и царское время признавать временем свободы»¹⁰⁵. Перед «коммунистической деспотией, – писал российско-американский социолог Н.С. Тимашев, – самодержавие начинает казаться царством свободы и справедливости»¹⁰⁶. Характеризуя царское правительство, К.А. Кофод удостоверял: «Много плохого говорилось и писалось о нем, но на основании опыта моего многолетнего общения со всеми слоями тогдашнего общества могу сказать, что это правительство было гораздо лучше, чем его репутация... Надо сказать, что население[Российской империи] в целом никоим образом не было порабощено; в старой России жили свободно как в отношении разговоров, так и в отношении периодических изданий. Царскую Россию можно считать раем по сравнению с любой другой европейской диктаторской страной, появившейся между двумя мировыми войнами». Либеральный характер политического режима монархии

Николая II Кофод объяснял тем, что «царское правительство, каким бы абсолютистским оно ни считалось, в большой степени учитывало настроение общественности»¹⁰⁷. Особенно впечатляющей была разница между карательной политикой, практиковавшейся в Царской России и в Советской России.

«Чрезвычайка, – заключал правый кадет П.Г. Виноградов, – намного превзошла свой образец – старую „Охранку“»¹⁰⁸. Левому кадету (и принципиальному республиканцу) князю В.А. Оболенскому режим, существовавший в августе 1906 г. – апреле 1907 г., т. е. во время действия введенных в ответ на усиление революционного террора военно-полевых судов, казался «сравнительно мягким». «Едва ли я ошибусь, – отмечал Оболенский, – если определю число казненных за весь период революции 1904–1906 гг. в несколько сот человек. Что значат такие цифры по сравнению с количеством казней, производившихся в России после Октябрьской революции!»¹⁰⁹ Более того, в памяти республиканцев, потрясенных масштабностью большевистского террора, Николай II полностью избавился от прозвища «Кровавый». «Теперь, после ужасов большевистского террора, – восклицал А.Ф. Керенский, – трудно даже представить, что Николай II, сидя на престоле, казался чудовищем, прозванным – подумать только! – Николаем Кровавым. Какая ирония звучит теперь в этих словах!» Керенский был вполне убежден, что красный террор вынуждает нас или вынудит в скором будущем пересмотреть вопрос о личной ответственности Николая II за несчастия и катастрофы во время его царствования. «По

---

¹⁰³ Наследие А.В. Тырковой. Дневники. Письма. М., 2012. С. 218.

¹⁰⁴ Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М., 1998. С. 288.

¹⁰⁵ Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.) // Архив русской революции. 1923. Т. 11. С. 19.

¹⁰⁶ Тимашев Н. С. Роль П.А. Столыпина в русской истории // Бок М.П. Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Н.-И., 1953. С. 8.

¹⁰⁷ Кофод К.А. Указ. соч. С. 255.

¹⁰⁸ Виноградов П.Г. Россия на распутье. Историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 425.

¹⁰⁹ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 334.

крайней мере, я, – признавался бывший сторонник цареубийства, – уже не вижу в нем „бесчеловечного зверя“, каким он еще недавно казался. В любом случае сегодня лучше представляются человеческие аспекты его действий, выясняется, что он боролся с терроризмом без всякой личной злобы... Безусловно, все казни, совершавшиеся при старом режиме, обращаются в ничто по сравнению с потоками крови, пролитыми большевиками»¹¹⁰.

Более того, зверское убийство большевиками в июле 1918 г. Николая II и его семьи создало предпосылки для их канонизации. Так, в номере за 31 мая 1922 г. кадетской газеты «Руль», издававшейся в Берлине, со слов эмигранта, тайно посетившего Тамбовскую губернию, сообщалось, что в народе о Николае II «говорят как о мученике»¹¹¹. В сообщениях подобного рода сказывалось изменение отношения к последнему монарху со стороны лидеров кадетов. Один из них, церковный историк вполне либеральных взглядов А.В. Карташев, заметил в октябре 1921 г., что у Николая II «имеются налицо все условия для того, чтобы в будущем быть канонизированным как святому»¹¹². Святость венценосцев полностью признавали и более левые деятели, в частности тот же Керенский, отмечавший, что «по пути на Голгофу» царь и царица «обрели в глазах всего света новое величие – духовное величие мученической гибели»¹¹³.

Реалии Советской России окончательно развеяли популярный у дореволюционной интеллигенции миф, согласно которому самодержавие будто бы препятствовало нормальному развитию страны, а потому и подлежало свержению. Понадобилось пережить 1917-й и его последствия, чтобы понять: Романовы, вплоть до Николая II, были сознательными и активными поборниками модернизации и прогресса во всех их основных аспектах – политическом, социальном, экономическом и культурном. П.Б. Струве писал в октябре 1923 г.: «Просто исторически непререкаемо, что в „деяниях“ русской монархии, начиная от Елизаветы, отменившей внутренние таможенные пошлины, через Екатерину, покончившую с частными монополиями, через Александра II, установившего земское самоуправление, создавшего правильное судопроизводство и, казалось, навсегда и с корнем изгнавшего из суда всякую тень взяточничества, что в этих деяниях гораздо больше от здравых и прогрессивных начал Французской революции, чем во всей Русской революции». Выступая в пользу «возврата к оправдавшей себя истории многих столетий и отречения, полного духовного отречения, от опровергнувшей себя истории одного шестилетия», т. е. периода большевистского господства, Струве подчеркивал: «Я понимаю, что иностранцы, даже самые благожелательные к русскому народу, могут верить в легенду о „царизме“ как злом гении русского народа. Но ни один русский человек, если он знает факты и способен их оценивать, не может уже верить в эту легенду. Русская революция ее окончательно опровергла»¹¹⁴. Струве проповедовал возвращение не только к «истории многих столетий», но и к классическому российскому либерализму, самый выдающийся идеолог которого, Б.Н. Чичерин, полагал: история романовской монархии «доказывает яснее дня, что самодержавие может вести народ громадными шагами на пути гражданственности и просвещения»¹¹⁵. «Самодержавие при всех недостатках, – подытоживал В.А. Маклаков, – было бесконечно лучше, чем революция. Оно, кроме того, оказалось способным исправиться и даже само перейти к конституции»¹¹⁶. Революция 1917 г. явилась побочным продуктом рефор-

---

¹¹⁰ Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 134, 135.

¹¹¹ Куликов С.В. Берлинский «Руль» и Рейхенгалльский съезд (Монархическая эмиграция в оценке политических оппонентов) // Русские в Германии (1914–1933). Сборник научных трудов. СПб., 1995. С. 35.

¹¹² Думова Н.Г. Из истории Кадетской партии в 1917 г. // Исторические записки. 1972. Т. 90. С. 122.

¹¹³ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 149.

¹¹⁴ Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 440, 442.

¹¹⁵ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. XVI–XVII.

¹¹⁶ Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 322.

маторского процесса, ознаменовавшего период 1906–1917 гг., когда в России существовала конституционная монархия.

Если для западной цивилизации, которая изобрела революцию в современном смысле слова (вспомним Великую французскую революцию 1789 г.), это изобретение действительно стало «локомотивом истории», способствуя развитию Запада, то для российской цивилизации революция если и была локомотивом, то устремленным не вперед, а назад, не к созиданию, а к разрушению. На Западе революция изменяла, сохраняя, в России – изменяла, уничтожая, и здесь, видимо, и проявляется одно из кардинальных отличий между обеими цивилизациями. Конечно, говоря словами А.Н. Радищева, революция 1917 г. была «путешествием из Петербурга в Москву», но по дороге не прямой, а окольной, через... Владивосток! То, что можно было получить быстро и с наименьшими издержками, революция 1917 г. обеспечила медленно и с наибольшими издержками, не только материальными (восстановимыми), но, главное, человеческими (невосстановимыми). Стоила ли революция 1917 г. в своем углублении многомиллионных людских потерь, положенных на ее алтарь? Ответ на этот вопрос дают авторы публикуемых здесь дневников, которые являются не только посланиями к нам, но и предупреждением о том, как опасно забывать уроки прошлого...

Александр Бенуа

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – русский художник, представитель большой творческой династии Бенуа.

Александр Бенуа известен как книжный и театральный художник. Его перу принадлежат «Азбука в картинах» (1904), иллюстрации к поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» (1916–1917), декорации к опере Стравинского «Петрушка» (1911).

Вместе с Сергеем Дягилевым он основал художественное объединение «Мир искусства» (1898–1927), выпускавшее одноименное издание. Участники группы устраивали выставки, в которых принимали участие многие известные художники.

Бенуа являлся и теоретиком и историком искусства, написав несколько искусствоведческих работ, в том числе «Путеводитель по Эрмитажу» (1910).

После революции художник работал в комитете по охране памятников культуры, занимался оформлением спектаклей в театрах. В 1918 г. он возглавил Картинную галерею Эрмитажа и издал ее новый каталог. Однако до конца принять происходившее тогда в стране он так и не смог. В 1926 г. А.Н. Бенуа покинул СССР и уехал во Францию.

1916–1918. 46–47 лет Петербург¹¹⁷

1916

8 октября (25 сентября). Воскресенье. Утром И.У. Матвеев¹ из Москвы. Он отобрал у меня и повез с собой для приятелей несколько моих крымских этюдов. Днем милый Генри Брус². Позже Палеолог³. Масса всяких анекдотов. Характерный ответ Сазонова⁴ на требование Палеолога послать в Париж на конференцию настоящего русского государственного человека:..Но такого нет у нас!.

Вообще же Палеолог мрачно смотрит на положение дел. Пророчит в будущем у нас анархию, а для всего мира затяжную войну!

<9 октября (26 сентября)>

10 октября (27 сентября). Вторник. Работаю над композицией плафона для Мекка⁵. Все еще не решил, делать ли ее в высоту или в ширину. Но сюжет аллегии уже установлен: «Время будит Труд (Геркулеса) и Торговлю (Меркурия)». В небе летит Аврора. Мне кажется, это подходящий сюжет для рабочей комнаты столь делового человека, как Н.К. фон Мекк. К сожалению, сильно мне мешает недостаток опыта. Лучше бы вовсе за такие вещи не браться!

<...> Вечером на «Хованщине» в Музыкальной драме. Досифей загримирован под Распутина⁶. «Нестарый старец». Думаю, что настоящий Распутин куда интереснее, внушительнее, страшнее! В декорациях последней сцены не видно никакого леса, а во всю сцену амбар.

<11 октября (28 сентября) – 14 октября (1 октября)>

15 октября (2 октября). Воскресенье. Продолжаю пребывать в тоске и в какой-то странной рассеянности. К обеду Сомов⁷ и Аргутинский⁸. Днем рисовал натурщицу Шурочку – для фигуры Авроры.

16 октября (3 октября). Понедельник. Напряженное состояние продолжается. Как мне от него избавиться? Акица⁹, по тому, что у нее записано в ее дневнике, переживает нечто подобное. Это всё последствия того, что уж очень мы блаженствовали в Капселе! Здесь же атмосфера насыщена тревогой!

17 октября (4 октября). Вторник. Днем Шурочка. Надо ей отдать справедливость, что позирует она идеально. В 3 ч. заседание «Мира искусства»¹¹⁸ у Кустодиева¹⁰. Несчастный! Он не перестает заниматься живописью (и вполне удачно), но совершенно больше не владеет ногами и передвигается по квартире в катальном кресле. Рерих¹¹ обещал достать наши застрявшие с 1914 г. в Швеции картины (бывшие на выставке в Мальмё). К обеду Грабарь¹². Он не на шутку встревожен перспективой, что его могут забрать в следующем призыве. В какой-то нерешительной форме снова заговорил о приобретении ряда моих вещей для Третьяковки.

<18 октября (5 октября)>

19 октября (6 октября). Четверг. Кончил эскиз плафона для кабинета Н.К. Мекка.

В 2 ч. Александр Моисеевич Бродский¹³ с только что вышедшим номером «полумакулатурного» редактируемого им журнала «Искусство». Упрашивал участвовать. Я его отослал к Левинсону¹⁴ (одного поля ягода, сплуются). Совершенно зря втянулся с ним в разговор о войне.

---

¹¹⁷ На момент написания дневника Петербург уже назывался Петроградом, но автор записей, А.Н. Бенуа, внутренне не смог принять переименования города.

¹¹⁸ Александр Николаевич Бенуа вместе с Сергеем Павловичем Дягилевым был основателем художественного объединения «Мир искусства» (1898–1927) и одноименного журнала, издававшегося членами группы.

Какая чудовищная бестолочь! Именно этому «патриотизму всмятку» нашей интеллигенции и суждено погубить Россию. «Нельзя кончить войну!» Точно их спрашивают! Между тем из этого нелепого «общественного мнения» слагаются те препятствия к решительным мероприятиям, которые тормозят людей, стоящих у власти и имеющих как-никак более верное представление о положении вещей. <...>

20 октября (7 октября). Пятница. Рисовал Сатурна. Получил деньги из Москвы (за работы для Казанского вокзала) и в Музее Александра III (всего 5800 руб.). Купил «менее противное» издание Лермонтова. В поисках за изящными «подарочными» классиками я обнаружил, что таковых у нас вообще нет. <...>

21 октября (8 октября). Суббота. Занялся обработкой общего эскиза плафона. Очень сложное целое: центральный (главный сюжет) – вокруг по углам четыре большие картины с фигурами в рост, между ними небольшие сюжеты в форме растянутых овалов. В 2 ч. Шурочка. В 4 ч. отправился наконец, согласно уговору по телефону, к Андрею Римскому-Корсакову¹⁵ – к черту на куличках, где-то на Песках. Однако, тщетно прождав битых полтора часа трамвая на Симеоновской (нет спасения от солдат, которые штурмом берут каждый подъезжающий вагон), я пришел в отчаяние и прямо поехал на обед к Раушам¹⁶ в конце Офицерской, куда вскоре подъехала и Акица. Увы, думается мне, что то было наше последнее посещение этих любезнейших, но и порядком бестактных людей, чем-то смахивающих на авантюристов. Несмотря на клятвенное обещание, данное Акице баронессой, что «деловых разговоров» не будет (то было моим условием принятия приглашения), Рауш снова подцепил меня во время того, что я, по своей привычке, сел за рояль, чтоб отвести душу в импровизации, и целый час морил меня своими жалобами на несправедливое к нему как к художнику отношение общества «Мир искусства», не желающего его избрать своим членом! Как будто недостаточная честь для него, что его приглашают к участию на выставках! Тут же и едва маскированные намеки на мою якобы двуличность. Лучше в таком случае совсем прекратить это знакомство, затянувшееся главным образом благодаря Акице, которая не перестает верить в искренность и бескорыстие излияний Наталии Владимировны. Я так прямо и заявил моей обожаемой, выйдя с ней на улицу: «Больше я сюда ни ногой...» Рауш за последнее время лепит в мастерской каких-то знакомых Распутина. Приглашал меня побывать там же – поглядеть (во время сеансов) на жуткого чудотворца. Но я этого побаиваюсь. Я даже издали чую в Распутине подлинное демоническое начало. Чур! Чур!

<22 октября (9 октября) – 26 октября (13 октября)>

27 октября (14 октября). Пятница. Шурочка утром. В 3 ч. у Аллегри¹⁷, чтоб приступить к окончанию моего панно «Азия»¹¹⁹. Однако ввиду темноты (и холода в его колоссальной мастерской) решили отложить работу по крайней мере до того момента, когда он закончит работу над плафоном почтамтской церкви (заказ Щуко¹⁸). На сей раз, после довольно долгого перерыва, я как-то менее огорчился видом своего панно! Но все же продолжают тревожить какая-то чернота и слащавость. <...> Вечером у брата Леонтия¹⁹. Чтоб не быть втянутым в разговор на опасные темы, я все время после обеда и до чая занимался разглядыванием «Illustration»¹²⁰, благо накопилась громадная масса не виданных мной номеров. К сожалению, почти все заполнено войной. Как людям просто не надоест и не опротивеет этот ужас?

28 октября (15 октября). Суббота. Шурочка утром. <...> Обед у Гессенов²⁰. Очень пониженный тон! И следа нет того оптимизма, который царил весной. Читали трагическое

---

¹¹⁹ Эскиз Бенуа «Триумф Азии» для Казанского вокзала был утвержден в феврале 1916 г. Художник поручил написание панно Оресту Карловичу Аллегри.

¹²⁰ L'«Illustration» («Иллюстрация») – французский еженедельный журнал (1843–1844), издававшийся в Париже. Журнал защищал христианские ценности и был русофильским во время франко-русского союза.

письмо Ярцева²¹ с фронта. И от него веет одним только ужасом войны, ее пошлостью, ее грязью. <...>

<29 октября (16 октября) – 30 октября (17 октября)>

31 октября (18 октября). Вторник. <...>

Вечером у меня заседание по изданию «Медного всадника» со Скамони²². Я воспользовался этим собранием, чтоб предложить Общине св. Евгении¹²¹ свой план доступного, но безупречного по вкусу издания классиков для подростков. Мысль эта зародилась у меня во время моих недавних тщетных поисков «приличных» Лермонтова и Пушкина.

1 ноября (19 октября). Среда. В три часа совещание у Максима Горького²³ об издательстве художественных детских книжек. К сожалению, получилась та же бестолочь, какая всегда бывает, когда много народу и каждый лезет со своими предложениями и доводами. <...>

<2 ноября (20 октября) – 18 ноября (5 ноября)>

19 ноября (6 ноября). Воскресенье. Слава Богу, ссора (подобие ссоры) с моей обожаемой кончилась. Акица бесконечно мила.

Начинаю красками большой эскиз мекковского плафона.

<...>

Обед у Гессенов. Читали «исторические» речи Милюкова²⁴, Шульгина²⁵, Маклакова²⁶. Настроение начинает сильно напоминать настроение 1905 г. Впрочем, под «гражданским возмущением» немало низкопробной радости, что «господам теперь несдобровать». На меня эти речи не произвели ни малейшего впечатления, и мне кажется, что Государь может спать спокойно, пока имеется лишь угроза такой «оппозиции Его Величеству». Подобным Мирабо не свергнуть престола! Но, весьма вероятно, вслед за ними придут другие. А главное, *продолжается война*, и она сделает то, чего не в состоянии сделать «благоразумные» элементы, совершив *величайшее неблагоразумие ее приятия!* А что из себя представляет Керенский, имя которого все чаще слышится? К сожалению, его речи у Гессена не оказалось. Ходит слух, будто он говорил и о *необходимости* мира.

<20 ноября (7 ноября) – 25 ноября (12 ноября)>

26 ноября (13 ноября). Воскресенье. У нас рисование с живой натуры. Позирует Шурочка.

Но меня внезапно вызывает генерал Е.Н. Волков²⁷ (начальник Кабинета Его И. Величества), так как ему удалось наконец устроить давно предполагавшийся осмотр Зимнего дворца. Это как бы вступление к исполнению грандиозного плана, принадлежащего в значительной степени Таманову²⁸. Волков полон самых благих намерений в смысле поднятия художественной стороны его дворцового хозяйства и, между прочим, возвращения Зимнему дворцу первоначального великолепия, которое не удалось восстановить после пожара 1837 г. Однако на сей раз дворец, и вообще не отличающийся внутри особой радостностью, произвел прямо-таки самое унылое впечатление, чему особенно поспособствовало то, что все большие залы заняты военным лазаретом. Всё кровати, кровати, ширмы, столы с медикаментами, и среди этого бесшумно бродят жалкие тени в больничных халатах. Многие лежат под своими серыми одеялами. Снуют белоснежные сестрицы в чепцах. И все это тускло освещено (день выдался темный) одинокими лампами в громадных люстрах или ночниках.

В другом роде, но не более отрадное впечатление производят личные комнаты Государя и Государыни. Здесь царит как-то уж очень откровенный «недостаток вкуса». Несуразное впечатление производит кабинет (окнами на Адмиралтейство), перегороженный какими-то тяжелыми столбами, что дает этому покою характер чего-то утесненного. Не спасает, а подчеркивает нелепость всего этого тяжелый, несуразный камин, являющийся лишним свидетель-

---

¹²¹ Названа по имени небесной покровительницы основательницы и попечительницы общины, светлейшей княгини Евгении Максимилиановны Романовской, герцогини Лейхтенбергской (1845–1925). Община имела свое издательство.

ством безвкусия любимого придворного архитектора Мельцера. И вся мебель тяжелая, неповоротливая. Две гостиные (угол на Неву) отделаны «на европейский лад», однако не в стиле «модерн», как это сделано в новых комнатах Александровского дворца в Царском Селе, а на самый шаблонный манер, что, пожалуй, лучше. На стенах, кроме большой копии «Дармштадтской Мадонны» (Гольбейна), портретов родителей Государыни, ее собственного, очень скверного портрета (кажется, кисти Фрица Августа Каульбаха), две бонбоньерочные многофигурные картины с сюжетами наполеоновской эпохи Фр. Фламенга. Где-то высоко над шкафом я отыскал чудесный портрет Николая II, писанный Серовым.

Дальше, начиная с Малахитовой гостиной, напоминающей такие же салоны 1830-х гг. в немецких резиденциях, «легче дышится». Царящий там стиль Луи Филиппа или Людовика I Баварского (или ранней Виктории) моментами производит даже изящное, «нарядное» и, во всяком случае, благородное впечатление. Ротонда более классична.

Мне показалось, что спасти общее впечатление можно, вернув унылым, тяжелосводчатым залам, выходящим на Дворцовую площадь, их прежний растреллиевский облик (кое-какие рисунки первоначальной отделки Елизаветинской эпохи, наверное, где-нибудь найдутся). Зато чего не должно касаться какое-либо усовершенствование, так это кабинета Государя Николая Павловича²⁹, занимающего верхнюю, антресольную комнату в фасаде, выходящем на Адмиралтейство. Она представляет собой вполне сохранившийся ансамбль. Суровая (но не безвкусная) мебель, масса небольших картин (часто сувенирного значения) по стенам, масса мелких предметов на письменном столе. Все удивительно характерно для личности самого императора. В прихожей перед ней, к которой попадаешь по чугунной лестнице, серия отличных картин Гертнера – виды Берлина.

Полон исторического значения еще и кабинет Александра II³⁰ во втором этаже. Отделка стен здесь Екатерининской эпохи (то был кабинет Александра Павловича³¹, и в точности повторена здесь декорировка стен после пожара 1837 г.). И в этой высокой комнате с альковом все стены завешаны картинами, а по столам и комодам разложено и расставлено без числа всякой всячины. Волков обратил мое внимание на сложенные в углу, за колоннами алькова, детские платья и при них детский зонтик и шляпочка. То сувениры, свято хранившиеся Александром II, оставшиеся после кончины обожаемой им дочери Александры Александровны³², скончавшейся лет восьми.

Вернулся я домой разбитый – еще бы, мы проделали верст пять, шагая по этому нескончаемому лабиринту.

<27 ноября (14 ноября) – 28 ноября (15 ноября)>

29 ноября (16 ноября). <...>

Обедаем у Горчаковых³³ с «молодым» Феликсом Юсуповым³⁴. Весь вечер последний рассказывает, в крайне возбужденном тоне, про Распутина. Он считает его главным виновником того, что «все летит к черту». Особенно поразил рассказ про какую-то обожательницу Распутина, которая рядится в платья, увешанные бубенцами с яркими лентами, и всюду следует за «старцем». Однажды эта моденная юродивая нагрянула летом во время какого-то обеда у Юсуповых в Царском. Фелька (так его называет М. Горчаков) убежден, что все еще можно спасти положение, если «убрать» Распутина. Акица, сидевшая рядом с Юсуповым, позволила себе усомниться, найдется ли такой герой. Я в несколько маскировочной форме высказал свою обычную точку зрения: надо лечить не симптомы болезни, а самый ее источник. Или все это для чего-то нужно? Ненавидит Юсупов (и это вместе со всей семьей, в которую он вступил через свой брак на вел. княжне Ирине Александровне³⁵) и императрицу Александру Федоровну³⁶. Точно она виновата в том, что царство, доставшееся человеку, абсолютно на то неспособному, до того затянулось?! <...>

<30 ноября (17 ноября) – 6 декабря (23 ноября)>

7 декабря (24 ноября). <...>

В 2 ч. с Аргутоном³⁷ у молодого Юсупова – смотреть новые личные его апартаменты в Юсуповском дворце, отделанные Белобородовым³⁸. Они в нижнем, надподвальном этаже по левую сторону от главного подъезда на Мойку. Кое-что довольно затейливо, а иное даже и просто красиво. Но, каюсь, мне, в общем, начинает надоедать эта, превратившаяся теперь в моду, подделка под классику. К тому же чехонинская орнаментальная живопись (прямо по стенам и пилястрам) оставляет желать лучшего. <...>

Зато интимные покои (спальни, «маленькая» столовая и т. п.) поразили меня своей теснотой (сущие клетки), путаностью плана и чем-то, я бы сказал, просто нелепым. Под большим кабинетом помещается в подвале еще одна, еще не законченная отделкой, большая сводчатая комната с окном – подвальным окном в уровень с мостовой улицы. Весьма романтично! Феликс вообще позирует на какого-то итальянского правителя эпохи Возрождения. Скажем, на Чезаре Борджиа. Поды маясь по узкой лесенке, ведущей из этого подвала в переднюю его личных покоев, я шутя сказал: «Вот превосходный сценарий для кинодрамы», на что он с улыбкой Джоконды на устах проронил: «Почему бы нет?», как бы намекая на наш разговор у Горчаковых.

<8 декабря (25 ноября) – 12 декабря (29 ноября)>

13 декабря (30 ноября). Среда. У меня легкая инфлюэнца. Исправляю фельетон и ужасно долго с этим бился. Рисовал с гипса (упражнения – для Сатурна). Потом с Шурочки. <...>

В 5 ч. Эрнст³⁹ за иллюстрациями к моей монографии (маленькое издание Общины св. Евгении). Обед у Гессена⁴⁰. Меня на сей раз пригласил *письмом* (!), в котором было сказано, что вскоре я буду чем-то *утешен*. Очевидно, это намек на ожидавшуюся телеграмму о мирных предложениях Германии (и, очевидно, он *лично* рассчитывает на то, что таковые возымеют желательное действие). Сегодня полный текст этих предложений был ему доставлен, и я перед обедом прочел его (по-немецки) вслух. Читая, я едва владел своим волнением. Неужели это действительно протянутая рука и неужто близок момент, когда Россия положит свою руку в нее?

Но тут же, не успев я дочитать последнюю строку, надежда моя рухнула. Милюков с какой-то мальчишеской прыткостью выхватил у меня листки телеграммы, и, заявив собранию: «Я сейчас напишу ответ!» – он удалился в соседнюю комнату племянника Иосифа Владимировича¹²² – Ромы, и через полчаса, самое большее, этот ответ, полный самой легкомысленной фразеологии, был готов и прочитан перед супом, к великому удовольствию большинства. И мне сразу стало ясно, что таков и будет окончательный ответ зарвавшейся и *обреченной* России. Потому мы и обречены, что все части общества, интеллигенция и правительство связаны и спутаны нелепой «национальной гордостью», что все одинаково виноваты, одинаково ослеплены, одинаково изолгались, одинаково не способны считаться с фактической стороной положения, с реальными условиями. Христолюбивая Россия забыла о Христе, запуталась в суетности каких-то «национальных обид».

После обеда вокруг меня завязался спор, дошедший и до нескольких яростных выпадов. Со мной заодно оставались лишь Сара Семеновна Полоцко-Енцова⁴¹, Анна Исааковна Гессен, разумеется, моя жена, А.И. Каминька⁴² и еще один маститый адвокат – чуть ли не Парламент (я не расслышал фамилии). Против меня особенно резко выступали Каратыгин⁴³ и один из сыновей Иосифа Владимировича. Последний пытался мне объяснить, что я-де не понимаю «трагизма истории». Милый человек, как бы тебе на собственной шкуре не отвесть этого трагизма! Ты теперь так храбришься, потому что думаешь, будто ты спрятался за семью стенами, а ведь «трагедия» может вдруг придвинуться вплотную. Вот когда придвинется, я-то, вероятно,

---

¹²² Гессена.

останусь тем же, кто я есть теперь, т. е. до смерти опечаленным человеческой глупостью, но в то же время не перестану всей душой уповать на «мудрость Божию», а вот, пожалуй, ты и оробеешь, взмолишься о пощаде, а ее ты не получишь ни от нынешних врагов, ни от друзей... А в общем, берет ужас от того, что *никто* не понимает, что мы на вулкане, который нет-нет да и начнет извергать смерть и гибель!

<14 декабря (1 декабря) – 27 декабря (14 декабря)>

28 декабря (15 декабря). Четверг. Вместо какого-либо шага к миру приказ Государя по войскам с пометкой «Царьград». На кого это может теперь действовать? Кто это ему советует? И как «нетактично» теперь, на третий год несчастной войны, при уже полном истощении все-народно раскрыть ее настоящую подоплеку. Ох, доиграются до катастрофы, ох, допляшутся! Любопытно было бы знать, какая на сей раз (поистине темная) действовала сила. Едва ли Распутин. Ведь он, говорят, всецело за мир; за это его даже обвиняют в измене, в подкупе! Неужели наш милый Палеолог? В редакции Гессен, с лукавой улыбкой и «секретно» подмигивая, молвил на мое сетование: «Нет! Это скоро кончится!» <...>

<29 декабря (16 декабря)>

30 декабря (17 декабря). Суббота. Сильное ночью желудочное недомогание и, как следствие этого, Акицыно недовольство – я ей-де не даю спать. Меня такое неучастие так разогорчило, что я даже покинул нашу спальню и до рассвета просидел в кабинете, где люто холодно. Совсем промерз. Все это, вместе взятое, довело меня до какого-то исступления, и я в бешенстве разорвал несколько своих летних этюдов и смахнул на пол ряд фарфоровых и глиняных народных игрушек, что стояли на полке камина. Чуть не сделался удар! Насилу затем пришел в себя, погулял около часу в совершенно холодной нашей бывшей спальне! Зато потом произошло (по обыкновению) самое нежное примирение. Письмо от Щусева⁴⁴ из Москвы, но я его не сразу вскрыл, а отложил до момента, когда буду спокойнее. Наверное, опять какая-нибудь новая путаница и хитрение.

Явившаяся к обеду Надюшка⁴⁵ принесла известие, что на улицах продают листки «Смерть Распутина»!!! Гессен по телефону подтвердил и уточнил, что убийство произошло в доме Юсуповых. Мы с Акицей потрясены! Неужели сам Фелька? Самое убийство мне представляется величайшей нелепостью. Точно этим можно поправить дело. <...>

<31 декабря (18 декабря)>

1917

1 января (19 декабря). Понедельник. Панихида по брату Коле⁴⁶ (прошел целый год!) в Академической церкви. <...> На панихиде больше разговоров о гибели Распутина, нежели внимания к службе. У брата Миши⁴⁷ своя версия, слышанная им от дворника дома князей Касаткиных, отстоящего от Юсуповского дворца в незначительном расстоянии <...>. Этот дворник видел труп Распутина лежащим на пороге той маленькой двери, которая ведет из личных (новых) апартаментов молодого Феликса в открытый на Мойку двор.

В 4 ч., как и следовало ожидать, Палеолог – весь какой-то зараженный сенсационными сведениями об убийстве Распутина. Длинный рассказ.

«Первые выстрелы раздались около 2 ч.; городской, стоящий на набережной, прямо против висячего «почтамтского» мостика, подбежал, но сам Юсупов попросил его уйти и сказал, что это великий князь (Дмитрий)⁴⁸ развлекается стрельбой (видимо, он действительно убил собаку); в 3 ч. вынужденный (?!) отъезд двух дам, одной из которых, видимо, была танцовщица Карали; только в 4 ч. приезд Распутина; в 6 ч. убийство».

<...>

<2 января (20 декабря) – 5 января (23 декабря)>

6 января (24 декабря). Суббота. Спешно заканчиваю подарки друзьям. Аргутинскому и Яремичу⁴⁹ по маленькой шуточной коллекции рисунков «великих мастеров», Косте⁵⁰ две «саксонские фигурки» (вырезанные из бумаги). Валечке Кока⁵¹ нарисовал придворный мундир и т. п.

<...>

На елку собралось порядочное количество друзей. Подарки имеют большой успех. К сожалению, вечер испорчен тяжелым разговором о войне за чаем. Яремич, обыкновенно предпочитающий в таких случаях молчать, тут не выдержал и на довольно-таки провокационные слова С.В. Лебедева⁵²: «Мы будем воевать до последней капли крови» – резко ответил: «Да, вы будете воевать до последней капли – но только чужой!» – намекая на теперешнюю деятельность Лебедева, занятого изготовлением ядовитых газов. Лебедев побледнел, однако промолчал. Расходились всё же все в более или менее дружелюбных тонах.

<7 января (25 декабря) – 13 января (31 декабря)>

14 января (1 января). Воскресенье. Что-то принесет наступивший год? Только бы принес мир, а остальное приложится. А для того, чтоб был мир, нужно, чтоб люди образумились, чтоб возникла и развилась «воля к миру». И как будто уже какие-то проблески того замечаются. Я их усматриваю хотя бы в том, что сейчас *легче* эту тему затрагивать и даже с людьми посторонними, неблизкими. Развязываются языки. И думается мне, например, что ныне едва ли возможен такой случай, как тот, что произошел в прошлом году, когда И.В. Гессен счел своим долгом выдать двух шведок (он попросту *донес* на них), явившихся к нему от имени какого-то общего знакомого с просьбой посодествовать им в деле пропаганды мира. Да и все сильнее сказывается бессмысленность всей этой дьявольщины. Игра не стоит свеч.

Это должно, наконец, стать очевидным даже таким тупицам, как Милюков и иже с ним, ведущим Россию к гибели во имя исповедуемой ими ереси! С другой стороны, глупость человеческая безгранична, всеильна, и весьма возможно, что мы так и докатимся до общего разорения и катаклизма!

<...>

<15 января (2 января) – 7 февраля (25 января)>

8 февраля (26 января). Четверг. Стужа, и не только на дворе, но и у нас в комнатах.

У меня потек нос и появилось то специфическое недомогание, которое предвещает инфлюэнцу (или, как моднее говорить, грипп). Написал дружески укоризненное письмо Нарбуту⁵³ с советом, чтоб он взял обратно и переделал те иллюстрации к «Дюймовочке» Андерсена, которые он сделал для «Паруса»¹²³, доставленные мне на днях Гржебиным⁵⁴. Неужели он не мог сделать что-либо более живое и поэтичное для такой прелестной сказки?

<9 февраля (27 января) – 10 февраля (28 января)>

11 февраля (29 января). Воскресенье. Ответа от Нарбута до сих пор нет! Неужели дурак обиделся и не понял того, что было в моем письме искренне дружеского?!

<...>

<12 февраля (30 января)>

13 февраля (31 января). Вторник. Снова идиотский банкет. Бодрящие речи. Воздыхания о Царьграде. Кровавая пошлятина! У нас из кухни проник слух, что на днях здесь готовится забастовка. И такая странная версия: «Всех квартирантов будут выгонять на улицу!» Несомненно, до карикатуры отголосок каких-либо митинговых речей... Вероятно, «товарищи» (или, как их называет барон Рауш, «соции», и при этом дьяволически ржет) зашевелились не на шутку. Все же ничего толкового и решительного сейчас не предвидится. «Гидру»

---

¹²³ Издательство Гржебина, 1916–1918 гг.

раздавит без труда рутина полицейской техники. Вот разве что и полиция в полном развале? Об этом поговаривают. Тогда берегись, наш брат буржуй...

<...>

14 февраля (1 февраля). Среда. В 2 ч. с Атей⁵⁵ и Надей⁵⁶ в Кушелевской галерее музея Академии художеств. <...> Дома снова Скамони. Он уверен, что никаких серьезных беспорядков не будет, а будут только разрозненные и незадачливые забастовки на почве отдельных рабочих домогательств.

<15 февраля (2 февраля) – 26 февраля (13 февраля)>

27 февраля (14 февраля). Вторник. Отправил в Суук-Су запоздалый елочный подарок – тетрадь с рисовальными образцами с книжки с картинками.

<28 февраля (15 февраля)>

1 марта (16 февраля). Четверг. Сегодня в редакции после мрачного политического разговора с Гессеном я, уходя, придержал его, куда-то спешащего, и говорю (разумеется, без надежды на то, что мои слова могут иметь какое-либо действие): «Умоляю вас – откажитесь от Константинополя», иначе говоря, от войны до *победного* конца. В ответ получаю нечто очень симптоматическое; сначала он с унылым видом отвернулся, затем улыбнулся грустной усмешкой и наконец произнес: «Это теперь все равно бесполезно, все равно все летит к черту!» Выходит, что они, вояки, это как будто наконец осознали. Зачем же тогда путать и морочить общественное мнение и продолжать в газете ратовать за продолжение бойни? Что гонит их к собственной гибели? В чем сила их вождя, их главного искusstителя – Милюкова? Неужели только в том, что он такой ученый книжник, что он и сам написал немало очень ученых (да и дельных) книжек? Или он их пленит своей действительно неподкупной честностью? Но тогда зачем соваться в дела, в которых властвует не обывательская честность, а требуется прежде всего змеиная мудрость и учитывание момента?

Не спорю, «порядочным» людям *приятнее* сознавать себя чистыми, беленькими, но что от этого произойдет для целой страны, для целого народа? Ведь несомненно, что не сегодня-завтра *им* достанется власть, полнота власти, и вот единственное, в чем они ее проявят, будет заключаться в такой благородной (но, увы, бессмысленной, безумной) «честности» и в напрасной погоне за чем-то несбыточным (и *ненужным*). Какой ужас!

<2 марта (17 февраля) – 4 марта (19 февраля) >

5 марта (20 февраля). Понедельник. Начал одновременно на одном большом холсте фигуры Зимы и Лета. <...>

Все поговаривают о каких-то готовящихся событиях в связи с открытием и закрытием Гос. думы. Произойти что-нибудь должно – больно много накопилось какого-то электричества. Но будет ли это что-либо решительное? Только бы это повело к окончанию бойни.

6 марта (21 февраля). Вторник. Как я предсказывал с первых же дней войны, начинается разделение Бельгии на две сферы влияния, иначе говоря, вырабатывается возможность для немцев сохранить доступ к северным морям. И в сущности, у них больше прав на эти германские страны, нежели у нас на греко-турецкий Константинополь. Впрочем, все это суета сует и сплошная гнусная афера.

<...>

К обеду Нарбут – ставший каким-то очень ласковым после нашей переписки (ответил он мне на мое «отеческое увещание» совсем так, как мне того хотелось).

Позже Зина Серебрякова⁵⁷. Оба рассказывали мне всякие курьезы про нашу выставку. Статуэтку Рауша, изображающую Ванду Вейнер, наперекор приговору жюри Машков и еще кто-то поэнергичнее снова сняли с выставки. Будет скандал. Полная потеха вышла с военным цензором, который уже было повелел удалить «Войну» Петрова-Водкина⁵⁸, но, разумеется, не за ее плохое качество, а за то, что он узрел в ней «проповедь пацифизма». Все же потом сми-

лостивился и оставил. Еще забавнее, как этот афронт принял сам автор картины, писавший ее, под влиянием дружбы с Брешко-Брешковским⁵⁹, в самом боевом настроении, а ныне, томясь в солдатской шинели и рискуя попасть в окопы, приглашает видеть в ней же совершенно иные чувства. Потому что он «обвинение» в пацифизме принял за высшую похвалу. Истолковать же сюжет можно действительно на обе стороны.

<7 марта (22 февраля)>

8 марта (23 февраля). Четверг. Сегодня состоялся большой обед у Палеолога. Начинает твориться что-то неладное! На Выборгской стороне произошли большие беспорядки из-за хлебных затруднений (надо только удивляться, что они до сих пор не происходили!). Гр. Робьен⁶⁰ видел из окон посольства, как толпа рабочих на Литейном мосту повалила вагон трамвая и стала строить баррикаду. Навстречу им поскакали жандармы, и произошла свалка. Разобрать дальнейшее было трудно. Мы и на большой обед у Палеолога не смогли б попасть из-за полного отсутствия извозчиков, но выручили милые Горчаковы, приславшие за нами свою машину, на которой мы заехали по дороге и за ними.

<...>

Посольство приняло праздничный вид – все люстры горели, обеденный стол верхней парадной столовой был раздвинут во всю длину. Председательствовал посреди на одной стороне сам посол, против него – Трепов⁶¹, еще недавно «первое лицо после Государя». Мы попали (и были тронуты таким милым вниманием) в «свою компанию» хорошо нам знакомых и дружественно к нам расположенных людей, вследствие чего обед и на нашем конце прошел оживленно. <...> Обед был в смысле меню изысканнее обыкновенных. Говорили речи, пили за здоровье Государя, за российское воинство, за Францию. Речь Третьякова я плохо расслышал (я сидел от него приблизительно на восьмом месте), но мне потом говорили, что она была необычайно тактична и остроумна.

<...>

9 марта (24 февраля). Пятница. <...>

Днем Эрнст с нашими девицами в Александринском театре на генеральной репетиции лермонтовского «Маскарада», постановку которого Головин⁶² готовил много лет в тесном сотрудничестве с Мейерхольдом⁶³. <...>

По выходе из театра наша молодежь видела, как казаки разъезжали по тротуарам Невского и разгоняли густые толпы народа. Решительно, это начинается! Говорят, что даже кое-где в городе и постреливали!..

10 марта (25 февраля). Суббота. Акица снова была в банке, но поспешила его покинуть, ничего не успев сделать, так как пронесся слух, что все магазины в ожидании беспорядков уже закрываются, что закроют и банк, а главное, что после полудня через мост на Васильевский остров не будут пускать.

К обеду Эрнст. Он был на Невском и видел, как конные войска оттесняли во всю ширину улицы толпу в сторону Николаевского вокзала. В том же направлении раздавались выстрелы. Говорят, что солдатам теперь приказано ложиться на землю, дабы лишить их возможности стрелять в воздух. Другой слух – более чудовищный (и если это окажется правдой, то события могут получить грозный оборот): будто по крышам домов расположены городовые, которые должны производить по скопищам стрельбу из пулеметов.

<...> Мне, однако, кажется, что все еще может «обойтись». С другой стороны, не подлежит сомнению, что нарыв созрел вполне и что так или иначе он должен лопнуть... Какие мерзавцы или, вернее, идиоты все те, кто довел страну и монархию до такого кризиса!

11 марта (26 февраля). Воскресенье. Пишу красками фигуру Зимы, но работа не клеится, я начинаю все более заражаться общей тревогой.

<...> Все крайне возбуждены и никто не питает иллюзий насчет успеха революционного движения. Представляется более вероятным, что полиция и штыки подавят мятеж. Но о мятеже, во всяком случае, *можно* вполне говорить как о факте уже *совершившемся*. <...>

12 марта (27 февраля). Понедельник. Чудный ясный день. Я воспользовался этим, чтоб начать рисунок «Лета» на холсте, однако работа никак не клеилась, и тогда я, случайно попав на старые, не совсем законченные этюды, сделанные в Брюгге и в Венеции, стал их подправлять, усиливать. Но недолго я этим занимался. Оторвала от работы чета Лебедевых – оба донельзя возбужденные. Анна Петровна – сущая Жанна д'Арк или Шарлотта Корде! Она горит желанием «убить Николая». Он же, Сергей Васильевич, особенно, вероятно, встревожен тем, что беспорядки могут привести к миру, а мир к закрытию его ядо-газового завода¹²⁴.

Иным настроением наполнилась наша квартира днем, когда к нам пришла сестра Катя⁶⁴ с Зиной и двумя крошечными и очаровательными девочками. В продолжение двух часов мы им показывали всякие детские книжки. Особенный успех имели «Мюнхенские иллюстрированные листы». Забавлялись и игрушками, которых у меня целый музей.

Вечером опять «хлынула волна революции». Зашедший к чаю Аллегри рассказал, чему он был очевидцем вчера, когда он, этот шалый человек, движимый ненасытным любопытством, вместе с сыном Петей отправился рыскать по городу. Особенно их поразила *атака*, произведенная конными жандармами на толпу рабочих с *примкнувшими к ней солдатами*! Пройдя Конюшенный переулок, выходящий на Екатерининский канал, они принуждены были остановиться и тут заметили, что прохожие люди от чего-то прячутся, – это они прятались от выстрелов, долетавших с Невского. И там же, через канал, они видели, как ринулись в направлении к Царицыну Лугу жандармы, как «враги», а толпа рабочих встретила их выстрелами. Они видели и то, как жандармы пустились обратно, причем некоторые падали с коней!

<...>

Масса слухов сообщается по телефону. Будто осаждают (кто осаждает?) Государственную думу, будто она даже *взята* (кем?). Что-то серьезное там, во всяком случае, происходит. Оливы⁶⁵ с Потемкинской сообщили, что мимо их окон все время бродят кучки вооруженных рабочих, человек по десяти, а то и с полсотни. Изредка они стреляют, но в воздух – для остротки. Совершенно достоверно, что взбунтовавшимися полками (какими?) взят Арсенал на Литейном, освобождены узники из тюрьмы («Крестов»). Среди освобожденных оказался и только что посаженный Манасевич-Мануйлов⁶⁶ – правая рука министра и полицейский информатор Палеолога; его с овациями освободившая толпа проводила до дому; шествовал же он – по морозу – в светлой пижаме.

Горит Окружной суд (от нас в этом направлении едва заметное зарево). Приказами Государя Дума и Государственный совет распущены. Однако на сей раз «это не пройдет», ибо уже выбрано нечто вроде Временного правительства (!!) из 12 лиц, в состав которого вошли: Милоков, Маклаков (думский), Родзянко⁶⁷ и Керенский⁶⁸. Только что, впрочем (сейчас десять с половиной вечера), Добужинский⁶⁹ по телефону передал, что этот «комитет» уже распался. В ответ на вчерашнюю телеграмму Гос. думы получены довольно загадочные ответы – от ген. Рузского⁷⁰: «Телеграфировал Государю» и от Брусилова⁷¹: «Мы исполним (sic!) свой долг перед родиной и Государем». Истолковываются эти телеграммы как присоединение обоих генералов к Думе и к восстанию. Наконец, ходят слухи, что арестованы Щегловитов⁷², а также Беляев⁷³, военным же министром назначен (уже от Временного правительства!) какой-то никому в нашем кругу не известный Маниковский⁷⁴. Петербургский градоначальник будто бы ранен. Казаки отказываются стрелять и братаются с рабочими.

---

¹²⁴ В начале войны Лебедев заведовал химической частью завода «Нефтегаз», производившего толуол.

Шейхель⁷⁵ видел даже такую сцену (в субботу, около 5 ч. вечера) у Николаевского вокзала. Полицейский пристав шашкой зарубил оратора-студента; это увидел казак, проезжавший как раз мимо со своим взводом, отделился от товарищей, пробрался через густую толпу и, в свою очередь, зарубил пристава. После этого он закричал толпе: «Если из вас никто не выдаст, то мои не выдадут!» – и поскакал догонять свою часть.

Слух о взятии Крепости представляется мне все же вздорным. Я по-прежнему спокоен (не ощущаю щемящей внутренней тревоги – что было бы вполне естественно), однако я и не разделяю оптимизма более доверчивых людей. Но во что я *решиительно не верю* — так это в какую-то *осмысленность* всего того, что творится, в какую-то планомерность. Еще новость, но уж очень нелепая: будто Протопопов⁷⁶ назначен *диктатором*.

Сейчас около одиннадцати. На улице ни души, но часа два назад, говорят, стреляли недалеко от нас, на Среднем проспекте. Я сам еще *не слышал ни одного выстрела*. Впрочем, я не выхожу второй день. Не из трусости, а потому, что тяжело подыматься в наш шестой этаж пешком, так как лифт не действует. Электричество все же горит, вода идет, да и телефон, хотя и с задержками, действует. Никакого обещанного «настроения Пасхи». Акица пришла в восторг, узнав, что кричат «Долой войну!». Но все это носит такой спорадический характер! Все так неслаженно! И сколько во всем этом болезненной истерии! Каких-либо лозунгов еще не слышно. С моей точки зрения, это как-никак «голодный бунт». Все дело в хлебе – ведь хвосты у лавок за последнее время удлинлись до жутких размеров. И каждый такой хвост клокочет возмущением. А это значит, что все дело в хлебе, иначе говоря, в войне, в фактической невозможности ее продолжать уже год назад, когда обнаружился чудовищный недостаток в вооружении – не было возможности вести войну!

13 марта (28 февраля). Вторник. А пожалуй, это и РЕВОЛЮЦИЯ!

Теперь и во мне возникла *тревога*, что выразилось уже в том, что я проснулся в 6 ч. Тревожность (скрывае мая изо всех сил) проявляется в повышенной раздражительности. Меня *злят* наши девочки, слишком беспечно, шумливо и весело воспринимающие события. Уже за кофею Дуня¹²⁵ взбудораживает всех сообщением, что она только что, высунувшись в окошко, увидела, как со Среднего проспекта к Тучкову мосту сворачивают один за другим автомобили с красными флагами. Толпа (в столь ранний час наличие толпы уже многозначительный симптом) их провожает кликами. В тот момент это сообщение показалось нам чем-то чрезвычайным и ужасно грозным, но уже к середине дня такие же проезды «революционных колесниц» стали явлением до того обычным, что даже потеряли всякую остроту новизны и успели «надоесть». Вот и сейчас в ясном морозном воздухе гулко гудит проезжающий грузовик и слышны крики «ура!».

Очевидно, опять мчится мимо нашего дома одна из бесчисленных партий солдат и рабочих, вооруженных винтовками и саблями наголо. Катят они во весь опор, в большинстве случаев в направлении к Тучкову мосту. В некоторых из этих самокатов сидят вместе с пролетариями сестры милосердия, а то и просто какие-то дамочки, а также штатские с красным крестом на ручной повязке. Очень принято – двум солдатам помоложе лежать с ружьем в позе прицела на колесных крыльях (page-brise) грузовиков. Так более картинно, в этом больше показной удали. Публика приветствует каждую такую повозку сниманием шапок и криками «ура!».

Продолжение записи того же дня.

<...>

В 10 ч. наша кухарка принесла прокламацию, напечатанную на лоскутке серой бумаги очень тусклым шрифтом (очевидно, «приличные» типографии еще не в «их» руках). Ее ей сунул какой-то рабочий на углу Среднего. К сожалению, кроме обычных социалистических

---

¹²⁵ Прислуга в семье А.Н. Бенуа.

клише, начинающихся с призыва «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и кончающихся ликованием по поводу того, что наступил «конец засилью капитализма», в бумажке ничего не оказалось. Акица увидела в этом призыве к соединению пролетариев предвещание скорого мира и пришла снова в восторг (в самих же совершенно для нее новых лозунгах она, разумеется, разбирается не лучше Коки!). Спрашивается, для кого такие бумажки предназначаются? Мне вспомнились университетские времена и какие-то демагоги из братушек, которых я видел ораторствующими в знаменитом коридоре среди кучек студентов... Я чувствовал всегда к таким смутьянам полное отвращение!

Соблазненный главным образом божественно-ясной, такой *праздничной* погодой, я наконец часов около одиннадцати решил пройтись в сопровождении всей семьи и Стипа⁷⁷ поглядеть поближе, что делается на свете. <...> Чего-либо сенсационного мы *не видели*, но когда мы шли по зигзагами протоптанной между сугробов тропинке по льду через Неву, то *слышали* несколько, и даже *много*, выстрелов, казалось, что стреляют у Академии художеств. На обратном пути по реке катилось эхо далекой тяжелой пушечной пальбы.

На углу 1-й линии и набережной мы присоединились к кучке, читавшей ходивший по рукам бюллетень, озаглавленный «Известия». Это единственное, если не считать лоскутка, сунутого в руку нашей кухарке, виденное за всю прогулку печатное слово. В этих «Известиях» имеется сообщение с фронта, а за ним распоряжение Временного правительства: текст приказа о роспуске Гос. думы (уже показалось сегодня странным увидеть подпись «Николай») и тексты двух телеграмм Родзянки царю с предостережением об «опасности для династии». Так как листок был один и обладатель его вскоре скрылся, то мы его и не дочитали.

На улицах и площадях, покрытых снегом и залитых солнцем, все кажется празднично-прекрасным. Уж не предсмертная ли это красота Петербурга? Всюду довольно много слоняющегося народу, но все же это не грозные толпы, а, скорее, обыкновенные прохожие, а то и группы (человек в двадцать-тридцать) разговаривающих между собой обывателей довольно серого вида. <...> Немало военных и штатских чиновнического типа, но большинство – пролетарии, не столько «форменные рабочие с фабрик», сколько (если судить по виду) приказчики, конторщики, мастеровые; просто же *мужичков* что-то совсем не видал. Один раз мы видели, как рядовой солдат вытянулся перед генералом, но вообще это уже не полагается.

Солдаты и офицерство разгуливают по большей части невооруженные, но попадают и солдаты, очень демонстративно щеголяющие кто винтовкой, кто пашкой. У Адмиралтейства и у Академии наук нам повстречались группы юнкеров-артиллеристов. Большинство прохожих имеют озабоченный, насуленный вид. Выражений *радости*, во всяком случае, мы нигде не встретили. Никаких кликов, если не считать жиденьких «ура!» «для проформы», вызываемых проездом «революционных колесниц». С деловитым видом, точно доктора, спешащие на тяжелую операцию, шла целая вереница курсисток из Университета – каждая с огромной краюхой черного хлеба, которые они забрали где-то для питательного пункта.

Но замечательно то, что нескончаемые хвосты продолжают с прежней покорностью дежурить на морозе у дверей булочных и мелочных лавок. Издали их легко принять за митинги, но, приблизившись, видишь свою ошибку. Какого-либо сочувствия низвергнутому правительству мы тоже нигде не встретили, если не считать двух свирепого вида унтеров дворцовой полиции, которые дерзнули выйти на улицу в полной парадной форме и с грудью, увешанной знаками отличия. В них чувствовалась какая-то готовность хотя бы и «умереть за батюшку-царя».

Стоя на углу у Адмиралтейства, они так и впивались глазами в прохожих, как бы даже *вызывая* какое-либо изъятие чувств, им противных. Я заметил, что у одного из этих слуг в руках был какой-то медный прутик. В Крепости, на мачте, что высится над восьмигранным угловым павильоном, развевается не царский штандарт, а флаг необычайного вида и «как будто» красный. <...>

Дома мы узнали от прислуги, что разгромлен участок на Большом проспекте и как будто много городских в разных местах убито. Все же часть этих несчастных продолжает сидеть на чердаках и оттуда постреливать из пулеметов, – это все обреченные жертвы идиотского плана

Протопопова. Естественно, что нигде никаких охранителей общественного порядка не видно, и это «ужасно необычайно» для нашего «полицейского» Петербурга. Жена нашего швейцара уверяет, что решительный день будет завтра. Ожидается прибытие «государева брата» (вел. князя Михаила Александровича⁷⁸), и в то же время ходит слух, что будет произведена основательная реквизиция всех «запасов» у частных лиц.

К сожалению, перестал действовать телефон, а то уж наверное мы бы получили ценнейшие сообщения и от наших друзей, разбросанных по всему городу, а самые сенсационные (и верные) от Палеолога – ведь он, наверное, мучается, что не может поделиться всем тем «историческим», чему он сейчас свидетель и что он по-своему (и совсем не глупо) характеризует. Леля⁷⁹, выходявшая отдельно от нас, читала наклеенное на стене воззвание (от кого?), в котором жителям гарантируется безопасность и сохранность имущества. Плохой знак, если считают нужным (кто это считает? какие власти?) об этом говорить.

В общем, у меня впечатление как-то двоится. Многое из того, что видишь и слышишь, носит слишком случайный, бессвязный характер. Многие беспорядки, несомненно, не имеют какого-либо революционного смысла и вызваны паникой и негодованием при ощущении ныне уж несомненно наступившего голода! Но, может быть, многим руководит и чья-то воля.

Электричество и водоснабжение все еще, слава Богу, действуют (и ни на минуту не переставали действовать), и это, во всяком случае, *добрый* знак. Но магазины все закрыты, и торгуют лишь мелочные лавочки.

Около 4 ч. я снова вышел и <...> отправился один на разведку. Мне очень хотелось найти второй выпуск «Известий», но его уже весь расхватали. Не удалось даже толком прослушать чтение его вслух в одной из многочисленных небольших группок, обсуждавших события по панелям Николаевского моста и на Благовещенской площади. Вообще меня поражает неорганизованность такого важнейшего рычага революции, как *пресса*. Комическое и даже жалкое впечатление производят, напр., такие сценки: барышня – вероятно, курсистка – *булавкой* силится приколоть к стене гектографированный листок (меньше странички школьной тетради), призывающий «товарищей» к порядку; а на Конногвардейском бульваре листок каких-то неофициальных «Известий» прикреплен также *булавкой* к коре дерева. Я застал момент, как его по складам старался прочесть какой-то простолюдин, а кучка не то дворников, не то писарей с унылым видом его слушала. Всякий видит в соседе провокатора, сыщика или просто политического врага. В этих «Известиях» уже говорится об отобрании в казну земель духовенства, помещиков и «удельных» (*arpanages*), требуется введение 8-часового трудового дня и т. п. Правительство считается окончательно рухнувшим.

С Благовещенской площади видно было, как вдалеке языки пламени, прорвавшись из зияющих окон Литовской тюрьмы, лижут ее стены – я собрался было идти смотреть туда, но в эту минуту из-за церкви грянул резкий залп. Я предпочел повернуть в другую сторону. Поразило меня, что никакой сенсации эта стрельба в «беседовавших» на площади людей не вызвала. Видно, все уже «привыкли» к такой остротке и не считаются с ней. Иным казалось, что стреляли сверху, из одной из боковых глав Благовещения.

Пройдя несколько шагов по бульвару, я издали поглядел, как пожарные тушат пылающий особняк министра Двора гр. Фредерикса⁸⁰ (его-то за что?), и вышел через Замятин переулок (мимо бывшей квартиры Дягилева⁸¹ — ах, как жаль, что его здесь нет!) к Неве и оттуда через лед домой. <...>

К этому моменту (было около 5 ч.) вечером солнце уже совсем померкло из-за дыма пожаров, и все приняло сразу какой-то угрюмый и даже угрожающий вид. Из наших окон

видна почти вся панорама. Столб черного дыма третий день как возвышается над тем участком панорамы, где находится Окружной суд, другие, и более близкие, очаги: дом Фредерикса и Литовский замок. Кроме того, перед каждым полицейским участком горит костром бумаг его архив вперемешку со всяким добром (якобы награбленным), что вытащили из казенной квартиры только что еще всемогущего пристава. Наш полицейский участок на Большом проспекте совсем опустошен, а сам пристав добит почти до смерти (у него репутация большого взяточника). В помещении участка, по словам прислуги, найдена масса муки, сахару, окороков, сапог и т. д. Возможно, однако, что часть этих запасов предназначалась для нужд нижних чинов. Костры перед участками питаются пачками всяких «дел», частично переплетенных в фолианты, и – в громадной массе – ненавистными паспортными книжками! Характерно, что наша деревенщина Мотя¹²⁶ сначала очень испугалась беспорядков и даже горевала, зачем не уехала к себе в Воронеж, а как поглядела вместе с другими прислугами, как расправляется народ с полицией, так вернулась домой вся сияющая. «Теперь я уже не боюсь! Это хорошо! Нет, теперь я не боюсь!..»

<...>

Судя по всяким разговорам и слухам, уже начались какие-то разногласия среди наших новоиспеченных жирондистов и якобинцев. Юридическая же природа образования Совета рабочих депутатов пока еще совсем не выяснена. В каком отношении он находится к Гос. думе, все еще что-то как будто представляющей, и к Временному правительству? Это нечто вроде государства в государстве или правительства в правительстве. С другой стороны, утешительно то, что как раз в призывах этого Совета много благоразумия и умеренности. И еще трудно сказать, насколько заверения, что «мы будем биться до конца», не политический блеф для успокоения союзников и для острастки Германии, а главное – для выигрыша времени. Или наш старик (Милюков) всерьез собирается продолжать проигранную игру? С него все станет.

За чаем взывал к своим, чтоб они были более сдержанны и осторожны в изъяснениях своих симпатий и антипатий. К сожалению, менее всего этим моим призывам поддается сама моя Акица. Чувствую, что нашу Кулечку⁸² обуревают некий энтузиазм. Причем она многое принимает вкривь и вкось – и так именно, как того бы хотелось ее золотому сердцу. С моим житейским опытом она совсем не желает считаться (ее старый и в своем роде милый грех!). Даже сердится на меня за мой холод, за «преступное равнодушие».

14 марта (1 марта). Среда. Сегодня я не выходил, потому что валил густой снег и дул резкий ветер. Это производит особенно удручающее впечатление после вчерашней «праздничности». Кое-что от «второго дня Революции» мы видели и не выходя из дому. Утром к нам во двор посыпались пули. Это продолжают стрелять полицейские, посаженные еще распоряжением Протопопова на колокольню лютеранской церкви св. Михаила (на углу 3-й линии и Среднего проспекта), и Акица даже видела, как, ударяясь об брандмауэр соседнего дома, они в ней выбивали «вспышки» снега. Дворник отказался на это время носить по квартирам дрова... <...>

В 11 ч. пришли Браз⁸³ и Аллегри – оба почти сияющие и даже на радостях принявшие какую-то прокламацию, подписанную Родзянко, за объявление «Республики». Спрашивается, чему они радуются? Им-то какая польза будет от того, что у нас вместо упадочной монархии водворяется хаотичная республика?

Тут же Аллегри рассказывает вещи вовсе невеселые. Он собственными глазами видел, как жестоко расправлялась с околоточным, жившим в их доме, «озверевшая толпа». В конце концов несчастного убили, и труп его пролежал несколько часов на улице.

<...>

Электричество не горело до наступления темноты.

---

¹²⁶ Прислуга в семье А.Н. Бенуа.

15 марта (2 марта). Четверг. Снова ясный день. На улице спокойно, но трамваи еще не ходят. Поработав немного над «Летом», я отправился вместе с Акицей и Кокой на далекую прогулку. Всюду довольно много всякой публики, но уже гораздо меньше «демонстративных автомобилей». Масса вооруженных ружьями солдат бредет с бесцельным видом. У каждого алый бант на рукаве, а кокарда на фуражке заменена красным лоскутком. В одной из кучек на набережной Невы вслух читались «Известия» (все еще редкость). Тут мы узнали о задержании Государя где-то у Бологого. Тотчас же во мне проснулась острая тревога за Царскосельский дворец. Вообще, особенно страшно за все памятники, которые так или иначе «причастны к царизму».

Мы дошли до нашего родного квартала «у театров». Стены Литовской тюрьмы («замка») представляют самое печальное зрелище. Белая штукатурка над каждым окном запачкана следами черного дыма и почему-то точно помазана пестрыми мазками – желтыми и рыжеватыми. <...>

У лавок длинные хвосты (раза в четыре длиннее, чем в начале зимы), но объясняют это тем, что получилась временная задержка в поставке продовольствия и в то же время *выросла запасливость хозяек*. <...>

Наконец, зашли мы и в наш прародительский дом на улице Глинки и поднялись к милому Альбертусу⁸⁴. Он, видимо, уже и думать перестал о своих службах и напялил себе алый бантик. Очень настаивал, чтоб и мы такие себе нацепили – для безопасности. Ни единым добрым словом и он не упомянул о царе. Меня вообще поражает, что ни в чем не выражается *какое бы то ни было впечатление* от низвержения самодержца, «помазанника Божьего»! Точно этого и не произошло, точно никогда никто в России не царствовал. Все принимают известие об его задержании, об его аресте как нечто давно *ожидаемое и естественное*. И не слышать о каких-либо самоотверженных героических выступлениях «наших роялистов».

На Екатерининском канале у Львиного пешеходного мостика против дома выгоревшего Полицейского архива (охранки?) целая гора всяких бумаг, видимо выброшенных три дня назад из окон и так с тех пор и лежащих. Среди них кучи (ненавистных) паспортных книжек, частью погоревших или истлевших, частью новехоньких и лишь подмоченных снегом. Прохожие эти документы подбирают и читают, потом снова бросают. Приставленный часовой никак не реагирует. <...> Сама «наша» Казанская часть вся выгорела по Офицерской и по Каналу и еще дымится; однако каланча стоит, а с ее макушки развевается красный флаг.

Дошли мы и до «Астории» (на углу Исаакиевской площади). Гостиница по нижнему этажу заколочена, однако очень небрежно, и солдаты влезают в нее и вылезают, чуть отодвинув две доски. Местами видно внутренность ресторана; солдаты бродят в поисках, не найдется ли еще чем поживиться. Никакой охраны я здесь не заметил (вообще, милиция, о которой много разговоров, покамест, скорее, миф!). На значительном расстоянии от «Астории» пахнет вином и разбросана масса битых бутылок. Мебель свалена кучами, но люстры по-прежнему висят, как будто не попорченные. Фасады испещрены пулями, и курьезно, что стекла в окнах не проломаны, а точно очень аккуратно продырявлены круглыми дырками. <...>

Вечером мы с жадностью прочли последний выпуск «Известий журналистов», который кто-то из наших с трудом раздобыл. Гессен по телефону подтвердил известие, что состоялось соглашение между Советом рабочих депутатов и Гос. думой по вопросу о министерствах. Избраны, под председательством кн. Львова⁸⁵ (он же министр внутренних дел): Милюков (иностран. дела), Шингарев⁸⁶ (земледелие), М.И.Терещенко⁸⁷ (финансы), Ковалевский⁸⁸ (просвещение) и (пожалуй, самое важное) Керенский (юстиция). Зато продолжают разногласия в самой рабочей среде.

Упорные слухи ходят о взятии немцами Двинска и даже Риги; с другой стороны, пронесся слух, что в Германии революция. Добужинский побывал вчера у Гос. думы. Там неопису-

емый хаос. Все время подходят войска на присягу новому строю. Их с великим трудом удается задерживать снаружи и не пускать внутрь. Протискавшись под самый портик подъезда, Добужинский слышал речь Милюкова, которого солдаты подняли на руках. Основной мотив речи – *продолжение войны*, нужно довести раз начатое дело до конца, а для того нужны порядок и дисциплина. Видно, и сейчас он будет упорно «сражаться за Царьград»! Говорил он гладко, но, по отзыву Добужинского, очень *скучно*.

<...> Сейчас (около полуночи) на улице совсем тихо. Тем не менее у всех настроение кислое, и даже моя жена утратила несколько своей бодрости.

16 марта (3 марта). Пятница. Снова чудный ясный день – сильный мороз. Начался день с того, что неврастеничка Дуня, со слов кухарки Аннушки, сообщила, будто Думу уже разогнали и теперь все будут драться между собой. Интуитивная антиципация? Вчера из того же источника (я записываю, хоть и нельзя этого делать, – записываю, ибо это очень характерно для настроения в низах, в широких массах) мы узнали, будто *убита* балерина Кшесинская, а на Петербург движется целая масса войск: 16 000 казаков и три полка. Для отпора им двинуты к вокзалам вооруженные рабочие. Родзянко бежал!

Встал кислый. Ничего не хочу делать. Плафоны опротивели, даже возникла мечта – авось переворот освободит меня от непосильных обязательств. Приходят и такие мысли – вожделенные: авось революция, ее настроение, ее идеи дадут мне мужество вообще освободиться от всего, что так или иначе основано на чем-то, что я про себя характеризую словами: «Писать Сатурнов и Меркуриев для золоченых потолков в кабинетах всяких директоров». Это разве достойное занятие? И мерзость – вся эта подделка под какой-то стиль, под старину, под нечто, чем я могу любоваться, но что мне в основе своей не свойственно! С другой стороны, разве такое освобождение для меня лично не запоздало? И разве можно ожидать, что «оковы типично буржуазной культуры» в ближайшее время будут сброшены и вместо них воцарится для искусства чудесная, человеческая свобода? Не направляемся ли мы вообще сейчас к еще горшему рабству?

Однако и помимо всего такого личного я глубоко встревожен всем и за всех. У меня противное чувство, что мы куда-то катимся с головокружительной быстротой! Всего неделю назад мы жили в самой что ни на есть «абсолютной монархии», а ныне мы чуть ли не в «федеративной республике»! Не то надо радоваться такой перемене, а не то мы ударимся в какой-то хаос, из которого не выбраться...

<...> Попал у Аничкова моста в самую гущу манифестации, продвигавшейся по Невскому со знаменем впереди, на котором было начертано «Земля и Воля». На подъеме к мосту манифестанты остановились и спели... зауспокойную по погибшим на этом месте жертвам революции. <...> В витрине «Русской воли» уже вывешен плакат: «Николай Романов⁸⁹ отрекся от престола» и т. д. Прохожие читают это с видом полного равнодушия. С таким же безмятежным и вяло-деловитым видом какие-то пролетарии, чаще совсем молодые ребята, снимают геральдических орлов, украшавших аптеки и магазины «Поставщиков Высочайшего Двора» (их по Невскому немало), и тут же жгут эти символические скульптуры на разожженных кострах. Один солдат тащил золоченую лапу такого орла в виде булавы. Какой-то мальчишка, подкладывая в огонь распиленные куски орла с вывески куафера Молэ, весело и добродушно приговаривал: «Вот тебе, Николашка! Вот тебе!» <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.